

25 Března 1933. — Volné Kozáctvo — Ročník VI.

125

25-го марта 1933 г.

ПРАГА

ГОД ИЗДАНИЯ 6-ой

25-го березня 1933 р.

PRAHA

РІК ВИДАННЯ 6-ий

СОДЕРЖАНИЕ.

1. Kazokai ir kazoku klausimas. (Kozáci a kozácká otázka).

2. Б. Кундрюцков: *** (Verše).
3. Ив. Томаревский: Стройка. (Verše).
4. М. Махно: *** (Verše).
5. И. Назаров: Четыре могилы. (Čtyři mohyly).
6. П. Поляков: Песня в память Б. Кундрюцкова. (Verše).

7. Трагедия Казачества. (Tragedie kozáctva).
8. К проекту Большого Государственного герба Казакии. (Projekt státního znaku kozáckého).
9. Чужинец: Польское восстание 1863-го года и Казачество. (Polské povstání r.1863 a Kozáci).
10. С. Савельев: Мелочи. (Maličkosti).
11. Думы и мысли. (Dumy a mysli).
12. Вл. Куртин: Б. Кундрюцкову. (B. Kundrjuckovovi).
13. Памяти Б. А. Кундрюцкова. (Památce B. Kundrjuckova).
14. Не клевещите на мертвого. (Nechte na pokoji mrtvého).
15. Н. Букин: Вынужденное выступление. (Vynucená odpověď).
16. И. Билый: Как лгут „вольные казаки" из „КК". (Jak lžou „volní kozáci" z „КК").
17. П. Поляков: Казачьи фельетоны. (Kozácké feuilletony).
18. Казачья эмиграция. (Kozácká emigrace).
19. В Казакии. (V Kozácku).

Почтовый ящик.

Кочане. — П. С. — Получено. Привет.
М. Острава. — Е. Т. — Получено. Привет.
Руте. — П. Ч. — Получено. Привет.
Hollywood. — Д. З. — Все получено. Привет.
София. — Ф. Б. — Фамилия А. Горбушина в Америке нам совершенно неизвестна. Привет.
Нью-Йорк. — М. Г. — Получено. Привет
Жабаль. — К. Т. — Получено. Привет.
Париж — М. К. — Получено. Привет.
Клевелянд. — Т. К. — Получено. Привет.
Conques. — И. Б. — Журнал Г. посылается. Привет.
Югославия. — П. М. — Получено. Привет.
Югославия. — Ф. Б. — Послана. Привет.
Пшибрам. — М. Г. — Будет напечатано в следующем номере. Привет.
Виши. — Д. Ч. — Получено. Хорошо. Привет.
Августов. — Е. К. — Получено. Привет.
Руте. — А. К. — Получено. Привет.
Польша. — Д. У. — Получено. Привет.
Белград — П. М. — Получено. Привет.

Гонорар не платится.

Непринятые к напечатанию рукописи не возвращаются.
Редакция не входит в переписку по поводу непринятых к напечатанию рукописей.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво":

В Ч. С. Р.:

В БРНО: **Виктор Карпушкин.**
В БРАТИСЛАВЕ: **И. И. Безуглов.**

В ЮГОСЛАВИИ:

А. Чекин. Крагуевац.
Г. В. Алферов — Мраморак.
Д. Захаров. — Смедерево.
С. Бобришев. — Кочане.
Н. М. Дмитренко — Београд.

В РУМЫНИИ:

В. П. Елисеев. M-eur Elisseeff, Cluj.
С. М. Маргушин. M-eur Margouchine. Bukarest V.
А. К. Бабков. M-eur Babkoff, Galatz.

В ПОЛЬШЕ:

Б. В. Фесенко. Варшава.
С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew. Wilno.

В БОЛГАРИИ:

П. Н. Кудинов. Александрово.
Н. Егоров. Лом.

ВО ФРАНЦИИ:

Ш. Н. Балинов. Париж.
А. К. Ленивов. M-eur Lenivoff; Lyon.
Т. К. Хоруженко. M-eur Khoroujenko; Lyon-Vaise.
И. В. Чуприна. M-eur I. Tchouprina. Cenon (Gironde).
Г. В. Балабин. M-eur Balabine. Ugine.
С. Чепурной: M-eur Tchepournoï, Vichy.
Ив. Курило: M-eur Kourilo, Toulouse.

В СЕВ. АМЕРИКЕ:

А. Д. Аникушин. M-r Anikoushine. Cleveland, (U.S.A.).

В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ:

С. Савицький. S. Savytzky. Brasil.

НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ:

И. Константинов. Харбин.

В ГЕРМАНИИ:

Г. А. Козловский. Berlin.

Казачья — Наша цель

ВОЛЬНОЕ КОЗАЧТВО

ВІЛЬНЕ КАЗАЧЕСТВО

Наш девиз — Казачья воля

VOLNÉ KOZÁCTVO — LES COSAQUES LIBRES

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.

(Vychazí 10 a 25 každého měsice).

Редактор **И. А. Билый.**

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Hradecká, 2207 Tchécoslovaquie.

№ 125 *Суббота, 25 марта, 1933 = Субота, 25 березня, 1933.* *№ 125*

Kazokai ir kazokų klausimas.

По-литовски.

Kazokai buvo penkta iš eilės slavių tauta, įeinanti į buvusios Rusų Imperijos sudėtį (Rusai, Lenkai, Baltgudžiai, Ukrainiečiai ir Kazokai).

Prieš du šimtu metų praradę savo valstybinę nepriklausomybę, kazokai dabar vėl įžengia į kelią, kovoti del savo laisnės, teisių ir nepriklausomybės.

Kazokų tauta, kenčianti raudonosios Maskvos sunkią okupaciją savo krašte ir visokius gyvenimo sunkumus emigracijoje, neištiesa niekam pagalbos rankos ir nelaukia ramiai kol kiti iškovos jai geresnią ateitį. Atvirkščiai — į kovą už savo likimą ir ateitį stoja pati viena, o jei randa savo kovoje šalininkus — tai pirmiausia tarpe tautų, norinčių taipogi numesti raudonąjį jungą.

Visgi mes kazokai turime teisę laukti kitų tautų pagalbos. Šią teisę duoda mums supratimas, kad tas liečia netik mūsų interesus, bet kad visai eilei tautų nėra abejotina, kaip pasibaigs kova už nepriklausomybę S. S. S. R. pavergtų tautų. Beto esame giliai įsitikinę kad egzistavimas agresivaus bolševizmo Rytuose, su jo misija, pasaulį rekonstruoti sulig nauju, maskvišku pavyzdžiu, ateity negali atnešti nieko gero daugeliui valstybių, kurios jau dabar, atjaučiant pavojų, stengiasi atsiskirti nuo bolševizmo kinų siena.

Apie kokią pagalbą mes manome? — Pirmiausia apie moralinę. Pasaulis apie kazokus žino labai maža. O ir tai ką žino, dažniausia neatatinka tikrenybei, kadangi šios žinios pareina iš įvairių šaltinių, kuriems nevisuomet buvo naudinga sakyti apie mus tiesą.

Apie save šiandien kalbėsim patys, o jus širdingai prašome, prieš galutiną savo nuomonės pareiškimą, pagrindiniai sureviduoti savo senas, dažnai visai klaidingas apie mus pažiūras ir betarpiai susipažinti su tikrais istoriniais, etnografiniais ir ūkiškais daviniais, liečiančiais mūsų tautą. Tokiu būdu geriausiai mus paremsite moraliniu atžvilgiu.

Nieko nenorime trukdyti plačia savo nelaimingos tautos istorija. Nekalbesime apie mūsų tautos praėitį, pilną nuolatinių kovų už laisvę ir saugumą. Bet norime pasakyti keleta žodžių apie mūsų dadartinę padėtį ir mūsų pastangas ateityje. Norime kad mus išgirstute, netik išgirstute bet ir teisingai suprastute.

Kazokai išveda savo kilmę iš tų slavių šakų, kurios laike Kijevo Rusijos, o paskiau Maskvos valstybės įsikūrimo, apgyvendavo plačius stepius tarp Volgos ir Dono pasiekiant Azovo ir Juodųjų jūrų krantų.

Begyvenant ant „Didelio Kelio“ iž Azijos i Europą, kuriuo praėjo daug tautų savo kelionėje iš Rytų į Vakarus, šios slavių šakos gavo žymų nuošimtį svetimo kraujo, daugiausia turkų. Šis amžiais tęsiantysis asimiliacijos procesos svetimų elementų aut slavių pagrindų, sukūrė naują tautą — Kazokus.

Del nuolatinių užpuldinėjimų Azijos tautų, žymiai pasivėlino kazokų valstybės kūrimo procesas. Visgi XIV-me ir XV-me amžiuje susikūrė dvi kazokų respublikos: ant Dono ir Dniepro, kurios paskui per visą XV, XVI ir XVII šimtmetį turėjo pilną nepriklausomybę.

Tiktai XVII šimtmečio gale Maskvos valstybės sienos susidūrė su Kazokų žemės rubežiais ir nuo to laiko prasidėjo nuolatinė rusų ekspansija i šias eritis. Galutinį smūgį Kazokams uždavė caras Petras I, 1708 m. sugriaujant ir naikinant Dono respubliką, kas privedė prie kazokų nepriklausomybės netekimo ilgam laikui. 1775 m. Katerina II užkariavo ir visai sugriovė Zaporožės Kazokų respubliką, kurių likučiai paskiau apsigyveno Kubane.

Nežiūrint nepriklausomybės praradymo ir prie Rusijos valstybės prijungimo, kazokai iki paskutinio momento užlaikė likučius savo senų teisių ir savo tvarkos skirtumą, nors laike dviejų šimtų metų nelaisvės, carų valdžia sistematingai stengėsi sunaikinti pėdsakus nesenos kazokų praeities. Todel ir revoliucijai kilus, kazokai, berods, labai lengvai sugebėjo atsiskyrti nuo Rusijos ir sudaryti iš nieko savo valstybinę organizaciją, visai ant kitų pagrindų, nesiremdami Rusų pavyzdžiais. 1917—18 m. laikotarpy susikūrė visai nepriklausomos, faktinai ir teisės atžvilgiu, respublikos: Dono, Kubanės ir Tereko. Analogiškas procesas prasidėjo taipat Urale, Astrachanės ir Oremburgo kazokų tarpe ir net pasiekė tolymiausias Sibiro kariuomenes.

Bet greit pasirodė, kad Rusų revolucinių valdžių politika kazokų atžvilgiu yra taipat griešta ir grubuoniška, kaip ir sena carų politika. Bolševikai pradėjo kovą su jaunomis kazokų respublikomis, kurioms trukdė gintis

rusų baltosios armijos vadų Denikino ir Vrangelio neprašoma intervencija, ir presija Didžiųjų Valstybių, kurios, nesuprantant ir permažai vertinant kazokų nepriklausomybės judėjimo reikšmę, stengėsi šį, kazoku judėjimą išnaudoti rusų kontrevoliucijos interesams. Šių aplinkybių fatališkos pasekmės privertė kazokus stoti i nelygią kovą su rusų tauta, kuri masyviai rėmė tuomet bolševikus. Tose aplinkybėse pralaimėjimas buvo neišvengiamas — bet atėjo tik po atkaklių kovų. Ši katostrofa dar kartą parodė kazokams, kad tiktai nepriklausomybės keliu gali užtikrinti laisvę ir saugumą savo tėvynei.

Šiandien randasi ji bolševikų okupacijoje. Viešai žinoma, kaip žiauri ir bepasigailėjimo yra raudonosios Moskvos valdžia, užkariautų priešų atžvilgiu. Nežiūrint to kazokų tautiškas judėjimas kyla ir kasmet auga ir jau jokios represijos, joks teroras nesugebės jo sulaikyti.

Padėtis, kurioje randasi mūsų kraštai, atskirti nuo pasaulio, sovietų Rusijos rubežiais lyg kinų siena, uždeda mūms, kazokų emigracijai, atsakomingą ir šventą pareigą pakelti balsą mūsų teisių ir mūsų nelaimingos tėvynės apgynimui. Nenutraukus ryšių su savo tauta ir jos slaptomis pastangomis ir viltimis, kazokų emigracija tesiant kovą, pradėta 1917 metais, pasiima pareigą reprezentuoti savo tautą visame pasauly.

Manome, kad jeigu pasaulis supranta gresiantį nuo Rytų pavojų, tai pareikš mūms atatinkamą supratimą ir paramą. Bet visūpirma norime, kad apie mus sužinotų iš mūsų pačių. Pavyzdžiui, mažai kas žino, kad žymūs Prancūzų revolucijos obalsiai: laisvė, lygybė, brolybė — daug anksčiau buvo įgyvendinti pas kazokus, kuriems šie obalsiai sudarė pagrindus jų valstybinei santvarkai.

Šiandien, neatsižvelgiant pralaimėjimo, kazokų drąsa liko nenugalėta ir nenutilo kazokų balsas. Pavergti savo krašte, bet garsiai skamba emigracijoje, reikalaujant pripažinimo priklausančių teisių, laisvės ir teisingumo.

Kazokų emigracija, sugrupuota organizacijoje „Laisvieji Kazokai", kurios organas yra Prahoje leidžiamas dvisavaitinis laikraštis „Volnoje Kozačestvo — Vilne Kozactvo", pasiemė pareigą informuoti visą pasaulį apie kazokų pastangas ir apie priklausančias jiems nepriklausomybės teises. Šios organizacijos programa yra trumpa ir aiški: atvaduoti iš sovietų valdžios visus esančius Europoje kazokų kraštus: Dono, Kubanės, Tereko, Astrachanės, Uralo ir Orenburgo, taipogi ir kalmykų teritoriją ir sukūrti iš jų nepriklausomą, suverenišką kazokų valstybę — Kazokiją.

Ši programa nėra nauja. 1917—20 metų laikotarpy, kazokų federatyvinės valstybės klausimą kazokai iškėlė keturius kartus ir tiktai svetimų elementų intervencija sutrukdė jiems organizuotis.

Ką reprezentuotų tokiu būdu sudaryta valstybė — Kazokija? Plotas, kurį užima šešios kazokų sritys Europoje kartu su kalmykais, sudaro apie 870,000 *km*² ir turi apie 11,000,000 gyventojų.

Negalint skaitytojams paduoti tokiame trumpane straipsnyje visų smulkmenų istorinio, geografinio ir ekonominio pobūdžio, suinteresuotiems asmenims patariame specialius veikalus ir publikacijas šioje srityje. Galime tiktai pabrėžti, kad be istorinių teisių, geografiniai ir ekonominiai daviniai kazokų seperatistų rankose yra svarbiausi argumentai, kurie kalba už jų programos realizavimą.

Taip bendrai atrodo dabartinės Laisvųjų kazokų pastangos. Skelbiant jas civilizuotam pasauliui, dar kartą išreiškiame savo viltį, kad kazokų programa šiuo kartu susitiks su atatinkama simpatija ir duos supratimą civilizuotam pasauliui apie kazokų teises.

Борис Кундрюцков. (†)

* * *

Спить Черкасск... Ночная тишь безмолвна.
Тень аллеи странна и черна.
Аромат акации, какъ волны,
Бьется у закрытого окна...

Душно мне, открыть его боюся —
Крылья я сегодня развязал,
Сердце я открыл и мыслью смелой рвуся
Я туда, где месяц засиял...

В это небо темное, немое,
Где мерцает звездный хоровод,
Где не спит волненье мировое,
Где веков шуршит летящий в вечность ход.

Полечу, как облако растаю
В той дали, где жилище Богов...
И, борясь, сам тихо открываю
Рамы я заржавленный засов...

Пусть сейчас поднимут быстро волны
И швырнут о переплет окна —
Мои крылья дерзновенья полны
И дрожат, как гибкая струна...

Ив. Томаревский. *(Болгария).*

СТРОЙКА.

Крепко заложен фундамент...
Строится зданье на нем...
Чья ж это мощная стройка?
Чей воздвигается дом?
Дом — Казакия и Воля,
Строит — казачий народ,
С верою крепкою строит
Дом он во имя свобод.
Все по кирпичику, камню
Спешно на стройку несут,
Верят в грядущее счастье —
Воли желаемой суть...

Верь и стремися упорно,
Славный народ казаков,
Строй свое зданье свободы —
Счастье грядущих веков.
Много еще хоть до крыши
Стройки великой конца —
Дому свободы казачьей
Отданы плоть и душа...
Дом свой достроим, хотя бы
Всем нам пришлось умереть...
Верим мы, к цели стремимся —
Будем свободу иметь!

М. Махно. *(Панчево).*

* * * *Р. П. Е.*

Перед тобой лежит широкий новый путь.
Прими же мой привет сердечный!
Да будет, как была, твоя согрета грудь
Любовью к правде бесконечной.
Да не утратишь ты в борьбе со злом упорным
Всего, чем ныне так душа твоя полна.
Под'яв чело, иди бестрепетной стопой,
Борись, храня в душе своей казачий идеал,
За счастье страждущих и Край Родной.
И ободряй всех тех, в борьбе кто духом пал.
И если в старости, в раздумья час печальный,
Ты скажешь: „В мире я оставил добрый след
И встретить я могу момент прощальный" —
Ты будешь счастлив, друг. Иного счастья нет!

И. М. Назаров. *(Югославия).*

Четыре могилы.

(Окончание).

Так шла жизнь день за днем... Прошло две недели со дня выхода из родимого Титова. И вот настал грозный день 2-го февраля. Вечером (накануне) Беленцов обходил отряд, выбирая людей для его „безумного" ночного набега в тыл большевиков с целью разведки. Пришел и в отряд Ренскова.

— Кто идет на верную смерть со мной? — бросил он, как выпалил, в лицо казакам и улыбается, а глаза чуть прищурены, как у тигра. Вышло 10 титовцев и все три Ренскова. Он внимательно осмотрел их. Долго глядит в самую глубь глаз и опять улыбается. — Мне нужно двух, только двух не хватает, отрывисто говорит он. — Вот ты и ты, указывает потом на старшего Ренскова и казака Ерохина.

— Я поеду за него, сказал вдруг, бледнея, старик Ренсков, указывая командиру на сына.

— Мне нужны молодые, сильные, красивые, сказал Беленцов строго.

— Я сильнее его, Ваше Высокоблагородие, это сын мой, отрезал Ренсков смело, чуть дерзко.

— Нету у нас тут, — вспыхнул командир и голос его зазвенел злобно, — нет у нас тут ни сыновей, ни братьев — никого... Есть большевики и мы, и это война, а не маневры, понял?

— Я понял, но я как отец, ответил дерзко Ренсков и глаза его стали злобными. Так у старого матерого волка горят глаза осенней ночью.

— Ты не молод и не красив, злобно сказал командир. — Я не признаю разговоров. Понял?

— Так точно! — громко ответил старик, не скрывая охватившей его смертельной тревоги.

Быстро повернулся командир и пошел, уходя быстро, будто чувствуя преследование уже шедшей по его стопам тени смерти.

— А все же я пойду, а не он, сказал старик решительно.

— Что Вы, батенька, сказал Михаил, став перед отцом и глядя в упор на него смелыми пылающими глазами. — Что Вы стыдите меня! Я не мальчик! На то идем.. Чего ж тут разговаривать.

И это не убедило отца, но он сдался.

Отряд в 36 всадников, отборных людей на лучших лошадях, под командной самого Беленцова, ровно в 12 часов ночи, выступил в безумный набег. Куда шли — никто не знал, да и нельзя было знать, ибо ночь была непроглядно темной. Ветер бил в лицо, ледяной дождь заливал глаза. Снежная грязь под ногами лошадей сбивалась в комья и они спотыкались. На каждом шагу была опасность сорваться в обрыв, ибо ехали, как чувствовалось по ходу коней, без дороги.

Командир ехал впереди, имея ординарцем Михаила Ренскова. Шли долго то шагом, то бежали рысью. Наткнулись на большевицкий пост. Командир и Михаил бросились на „них" первыми. Командир зарубил одного. Михаил справился с двумя другими, действуя только шашкой... Последний сдался. Тревоги не было — все было сделано тихо. Двинулись дальше — наткнулись на заставу: „их" было восемнадцать. Партизаны бросились на заставу и изрубили двенадцать, но они стреляли и это не прошло даром. Кроме двух убитых, отряд имел впереди поднятую стычкой тревогу. Командир скрылся с казаками в какую то балку. Два эскадрона красных маячили на бугру, но казаков не видели.

Наутро перед самым рассветом, еще в густой темноте, вышли и лицом к лицу в упор столкнулись с их эскадроном. Беленцов бросился в атаку так, как будто война была маневренной. Ренсков рядом с ним и казаки в две шеренги. Большевики не успели развернуться и были смяты. Их первые взводы бросились назад, когда другие два вылетели на фланги. При столкновении получилась кровавая каша. Михаил Ренсков на своем дивном коне врезался чуть не в середину их, и его шашка сверкала, как молния. Он был впереди Беленцова и тот окликал его: „Ренсков, не зарывайся!"

Весь эскадрон бежал. Партизаны горячо преследовали их, без труда сваливая отстававших пиками. Атака была совсем на исходе, как вдруг, из-за кустарника, скрывавшего отрог какой то балки, вылетела сотня красных казаков со звездами в развернутом строе. Три офицера впереди в линию, как на ученьи. Первая шеренга с пиками наперевес. Идут наметом стройно, как встарь...

Будь драгуны, уланы, сам чорт — партизаны наверное бросились бы вновь. Во всяком случае не потерялись. Но при виде своих, своих коней, своего оружия, своего строя с атакой во фланг, сотня против взвода, тут надо было быть Беленцовым, чтобы подыскать выход.

— Ко мне! — крикнул он, как бешеный, злобно, чтоб собрать раз'езд в руку. И чуть собрались, он первый бросился на большевицкую сотню. Ренсков опять обогнал его, и они первыми врубились в них и прорвали шеренги. Но тут, какой то большевик из-за строя, налетел на Беленцова и конем его сбил ударом сбоку. На него набросилось несколько пеших и его схватили. Ренсков на карьере повернул кони и бросился, чтобы защитить командира. Он был уже близок к нему, как вдруг, раненый конь Михаила взвился на дыбы и упал навзнич. Михаил выпрыгнул из под него и стал бить из револьвера с невероятной отвагой. Но на него бросились трое. Дула трех револьверов у его груди засверкали вспышками и Ренсков упал мертвый.

Так погиб первый из трех урядников — один из храбрейших партизан во всех отрядах, запечатлев своей молодой кровью беззаветную преданность казачьему долгу.

Тут же под хутором Жученковым большевики погребли его и тут легла из славной семьи Ренсковых их первая могила.

Только двое партизан спаслись из безумного набега и они принесли черную весть о захвате Беленцова и о славной гибели Михаила Ренскова.

Узнал и старик Ренсков. Будто громом ударила страшная весть в казачье сердце и возроптал на Бога старый казак, и не выдержал, и заплакал. Целый день лежал в окопе вниз лицом без движения, как мертвый, и только к ночи поднялся. Сыну о брате сказал, но матери сказать не находил силы. Но узнала и мать, и плакала, как плачут все матери от сотворения мира. Но плакала без ропота на Бога. Напротив, молилась ему, в горячей молитве убивая скорбь, а потому, быть может, ее женское сердце и выдержало борьбу со смертельной тоской о погибшем.

Но жизнь не останавливается. Вечный бег ее дней не знает преграды. Новочеркасск пал. Отряд „двух

урядников" ушел в степной поход с Поповым. Впереди его ехал на железном коне старик командир, сын в рядах его всадников, а сзади, в линейке, убитая горем мать командирша. Ее бледное лицо скрыло еще одну неутешную печаль в своих строгих линиях, а глаза стали еще более печальны.

По степям без дорог по придавленным тающим снегом ковылю и бурьянам, шел отряд — полк за полком — в неизвестную будущность, и было тяжело отгадать, какими и когда вернутся, да и вернутся ли эти, обреченные на безумную борьбу за жизнь и смерть, степные всадники.

Вышли на шлях, прошли Гремучий под Великокняжеской, вступили в бой. Конный отряд полковника Серебрякова, в отряде которого был отряд „двух урядников", шел в первой линии. Развернулись, повели атаку лавой. На левом фланге, в подкрылке, был старик Ренсков со своим отрядом. Неприятельская артиллерия как никогда, удачно била по цепи лавы. Еще на рыси, с двухверстной дистанции шрапнельным огнем с низким разрывом, стала вырывать первые жертвы. Пал с коня и не встал, и не двинулся, из подкрылка Ренскова, казак Самохин, срезанный, как ножом, стаканом шрапнели. Пал казак Шерстнев, знаменитый разведчик, как днем, водивший раз'езды ночью.

Перешли в намет, стали видимо пожирать расстояние, вырывающие повод из рук, степные кони. Стали нацеливаться на удар, взятые к бою пики. Огонь их орудий стал редеть: видимо стали дрожать дьявольские руки большевицких наводчиков, их разрывы летят далеко через головы. Уж близки их окопы и нет заграждений. Намет переходит в широкий намет. Казаки приближаются грозной тучей лавы. Как вдруг на левом фланге, как из земли, вырастает конная батарея. Огонь во фланг, при эфекте неожиданности, вырывает близкую победу маневра и грозит обратить его в поражение. Как с неба, падает на бешеном коне, казак ординарец от Попова с приказом броситься на батарею подцепку Ренскова и взводу с левого фланга.

На полном карьере старик меняет фронт, летя на буром впереди, весь грозный, как степная буря. Близко от него его сын Сергей. Зорким оком молодого сокола он следит за орлом и, в случае чего, не дай Бог, он постоит за него всей своей удалью до конца, всей своей дерзкою неудержимой волей.

Огонь усилился, жерла орудий задыхаются от жажды смерти, но прицел высок и жертв не много. Вот уже близок удар, но чья то дьявольская воля у „них" борется и с этим страшным моментом, чья то команда грозит несокрушимой силой...

Перешли на картечь „окаянные". Стали падать в пыль и дым, сраженные всадники. Скачут с пустыми седлами бешеные кони. Но момент пережит. Огненная пасть пожирающего расстояния закрылась. Доскокавшие врываются в батарейные интервалы.

Батарея взята. Часть прислуги при орудиях сдается, но около двух из них смертельный бой с какими то дьяволами в матросской форме. Их пять, как один... С широкими лбами и зверскими лицами. Один из них с парабелумом в одной руке и наганом в другой, „ссадил" двух казаков из трех выстрелов; другой бьется врукопашную с тремя казаками.

Загорелось, как огнем, безумной злобой сердце старика Ренскова; бросился, как орел, с поднятой шашкой. Прямо перед ним осадил бурого на скаку и с размаха рассек надвое голову матроса, и повернулся в седле, и повернул коня, чтоб броситься на другого. Как вдруг, прямо перед ним в матросской руке сверкнуло дуло револьвера. Прямо в грудь уперлись дьявольские глаза с безумной усмешкой. Как молния сверкнул без звука выстрел и старик почувствовал, как что то холодное вливается в сердце и начал падать с коня медленно, как сноп, но не упал — сын был тут. С загоревшимся сердцем, он бросился на матроса, перенесшего дуло к нему, и, несмотря на несколько выстрелов почти в упор, смял его конем и убил из нагана выстрелом в голову...

С раненой в ключицу рукой, перенес Сергей отца на своего коня и сам, тремя выстрелами раненый, вывез его из линии боя.

Тяжело был ранен в грудь старик Ренсков. Два дня и две бесконечных ночи отстаивала его бедная мать, всей силой преданности вырывая от смерти, но рана была смертельна и старик умер.

Как плакала о нем несчастная женщина и раненый сын, я рассказать не в силах. Нет слов, нет красок — и мне мешают слезы. Нет молитв таких, нет таких песен, какими передается верно такая печаль, такой ужас терзаний, такая святая мука.

И зарыли старика под Великокняжеской и поставили крест на юг — к Тихому Дону. Тут легла их вторая могила, запечатлев второй кровавой печатью священный долг, исполненный до конца. Но жизнь шла вперед, а за ней, не отставая, шла по пятам война.

Отряд „без урядников" шел в колонах Попова, а за ним, на линейке с титовскими конями, ехала мать с раненым сыном. Она не отходила от него ни на шаг, а ночью, когда он спал, она у изголовья его молилась.

Раны заживали. Сын стал поправляться. Стал сидеть и ходить, как ребенок. Надежда зажглась в потухших глазах несчастной женщины. Но остановки на ночлегах, ночлеги в домах с тифозными не прошли даром: он заразился и заболел тифом. Все бредил боями, стрелял в матроса и привозил ей отца из боя. То весь озарялся в лице, какой то высокой радостью, шопотом говорил о победе, о вольности былой и о своем государстве. Нес в бреду какое то знамя и передовал „ему", какому то Камерлану.

— Кто это Камерлан? — спрашивала мать, когда больной приходил в сознание. Сын улыбался.

— Не Камерлан, маменька, а Тамерлан. Вождь наездников, завоеватель. Был такой у монгол, будет и у нас — я в это верю.

Но не дождался вождя наездников молодой наездник. Медленно он сгорел, как восковая свеча от неугасимого пламени, зажженного страшной болезнью, и угас, и сгорел на ночлеге в Романовской. Тут взяла его третья могила, как третью жертву все того же страшного казачьего долга.

Мать плакала последними, еще оставшимися в сердце, слезами... Порой казалось, что настала пора роптать на Бога, но она пересиливала себя и опять томилась. Просила Бога не забыть о ней и, действительно, ждала не долго. Медленно от трех смертельных ран рвалось ее сердце. И к тому дню побед, когда Попов вернулся из Степного похода, бедное сердце матери перестало биться.

Не доезжая трех верст до родного хутора, она умерла без ропота, молясь за усопших. Тут легла четвертая могила. Четвертый раз истинное исполнение казачьего долга было подтверждено четвертой могилой.

Так богатырский род Ренсковых расбросал на все четыре стороны Придонской степи свои могилы и... не защитил волю. Но, жертвы богатырей не пропадают даром. Дух этих жертв живет в преданиях. Он горит, как неугасимый факел, и ведет других к жертвам.

Не пропали и жертвы Ренсковых. И поймут казаки наконец, навсегда поймут, что долг, исполненный до конца, непобедимая сила. Через страдания, через гнет неволи и тяжесть изгнания, поймут, что и бунт Ренсковых, лежавший в основании их кровавого долга, не умер с ними. Освященный их могилами, он возродился в чужой земле и ждет свой срок.

Закаленные в неволе, в каторжном труде и каторжной жизни, казаки сознали, что лучше умереть в бою, чем мучиться без воли. Их строй поэтому не дрогнет перед врагом и душа их открыто и в рост пойдет на встречу грядущему.

И озарится день, когда все казаки безотступно, с смертельной твердостью подойдут к своему долгу, чтоб исполнить его до конца. Тогда разгорится бой кровавый и страшный. Лягут опять на все четыре стороны по Придонской степи меж седыми курганами казачьи могилы без счета. Но это будут последние жертвы. За ними вспыхнет заря побед и настоящей жизни на родной земле и настоящей казачьей воли. И в своем государстве будут жить казаки, царя над бескрайней степью, где, очищенный в смертных боях народ, будет и впредь так же гордо и до смерти охранять свое место под солнцем.

Павел Поляков. *(Белград).*

ПЕСНЯ В ПАМЯТЬ Б. А. КУНДРЮЦКОВА.

Что ни день — то все реже ряды,
Что ни день — убавляется сил
И все чаще и чаще кресты
Одиноких казачьих могил.
Умерли... умерли... умерли...
Не вернуть... не вернуть... не вернуть...
Мы ведь тоже не мало прошли
И короче оставшийся путь.
Знаю — счастье мое не придет,
Я не верю, что я доживу,
Но я знаю — Казачий Народ
Атаману вручит булаву.
Я не плачу — я песни пою
Об ушедших... о павших бойцах...
О свободе в родимом краю,
О свободу любивших певцах.
И казачество песню споет
Тем, кто воле отдаться умел,
Кто, любя свой страдалец народ,
От любви загоряся — сгорел!
Только те... только те хороши,
Кто Идее Свободы служил
И кто песню-молитву души —
Лишь одним казакам посвятил...
Только те, кто о страхе не знал,
Кто о благе не думал своем,
Кто Казачеству сердце отдал —
Лишь о них мы, живые, поем...
И сегодня, смыкая ряды,
Не замедлим размашистый шаг —
По степям выростают цветы,
Крепнет вера в казачьих сердцах.
Казаки! Казаки! Казаки!
Нет! Огонь — не слабей! Не угас!
Наша будущность — в наших руках,
Наша Воля — зависит от нас!
Мы зовем... мы зовем... мы зовем
Всех, кто верен... не трус... не продал...
Жить для славы родимых степей,
Умереть за Степной Идеал.

14-III-33.

Трагедия Казачества.

(Очерк на тему: Казачество и Россия).

Часть I.

(Годы 1917-18).

(Продолжение).

Во время этих событий на Кубани, большевики постепенно наступали на Казачьи Земли с севера, отрезая Дон от Украины, и с юга по линии железной дороги Баку-Ростов. На Северном Кавказе они постепенно захватывали города, расположенные по линии Владикавказской железной дороги. В пределах Кубани они захватили Невиномысскую, Гулькевичи, Кавказскую и Тихорецкую. Сюда продвинулась 39 солдатская дивизия, послужившая впоследствии опорой организации большевицких военных сил на Кубани. Так большевики со всех сторон охватывали Казачьи Земли, настойчиво проникая в самую середину казачьих территорий.

Мы уже отмечали выше, что Кубанское Правительство привлекало к организации военной защиты Кубани лучших военных специалистов. При Кубанском Правительстве был организован Кубанский Комитет пропаганды (во главе с членом Рады П. Л. Макаренко), который рассылал по станицам Кубани информаторов и пропагандистов, издавал специальную газету „Голос Трудового Народа“, в начале декабря устроил в Екатеринодаре недельные курсы для представителей всех воинских частей, находившихся в пределах Края (на эти курсы были вызваны по два представителя от каждой сотни), посылал по станицам Кубани бандуристов, которые, воспевая былую славу Запорожья и Казачества вообще, призывали казаков к защите родного Края...

Кроме того на Украину в конце ноября был послан член Рады И. А. Билый для установления плана совместных действий Украины и Юго-Восточного Союза. В результате этой поездки на Кубань прибыла в декабре месяце делегация Правительства Украины. В это же время Кубанская Рада, по просьбе Терцев, послала специальную делегацию на Терек для ликвидации начавшейся вооруженной борьбы между горцами и терскими казаками. Из имевшегося в распоряжении Кубанского Правительства небольшого запаса огнестрельных припасов была послана помощь Дону (из 1500 трехдюймовых снарядов на Дон послано 700, а из 3.700.000 ружейных патронов послано — 1.800.000).

Как мы уже говорили, в начале вооруженной борьбы с большевиками Кубанское Правительство хотело опереться на уже существующие кубанские войсковые части, расположенные в пределах Края или прибывающие с фронтов Мировой войны. Однако, надежды, возлагавшиеся Кубанской Радой и Правительством на Кубанские войска, не оправдались. Кубанские войсковые части колебались. Большевицкая агитация проникала всюду, общая болезнь коснулась и кубанских частей. Должны быть, для полной об'ективности характеристики событий и причин неудачи начавшейся борьбы за освобождение Кубани, отмечены и такие случаи, как явное выступление казаков на стороне большевиков. Так было в декабре месяце 1917 года.

Сохранявший дисциплину и исполнявший распоряжения выборной кубанской власти Черноморский конный полк был послан Кубанским Правительством на станцию Тихорецкую для поддержания там порядка и для разоружения большевитствующих воинских частей, следуемых с Кавказского фронта. Эти воинские части, идя домой, посылались и „для борьбы с казачьей контрреволюцией“. Удержание станции Тихорецкой, расположенной на территории Кубани и являющейся весьма важным железнодорожным узлом на всем Северном Кавказе, в руках Кубанской власти являлось жизненно необходимым. Отсюда большевицкие части угрожали самой столице Кубани — Екатеринодару, отсюда они шли в тыл Дону, ведущему борьбу на севере, востоке (Царицынское направление) и северо-западе с наступающими московскими большевицкими войсками; через Тихорецкую — Царицын большевики с Кавказа связывались с Москвою и Петроградом. Занятие станции Тихорецкой большевиками отрезало Кубань от Дона. Для всякого рядового казака должно было быть абсолютно ясным, что удержание этой станции в руках кубанской власти имеет громадное значение.

Черноморский полк, находившийся под командой весьма храброго и распорядительного полковника Бабиева, без особого труда выполнил задание. На станции был установлен должный порядок, проходившие в Россию воинские части без задержки пропускались далее после сдачи оружия. Отобрание оружия было не только желанием Кубанского Правительства обезвредить тысячи войск, идущие с фронта домой, но и ответом на распоряжение большевицкого петроградского правительства об обезоружении всех казачьих эшелонов, идущих с западного фронта в родные Края.

Однако, на станцию Тихорецкую явились сотни 22-го кубанского казачьего батальона, стоявшего в соседней станице Архангельской, и потребовали от черноморцев немедленного удаления со станции Тихорецкой. Создалось угрожающее положение, когда на этой важной железнодорожной станции, внутри Кубани, одна кубанская воинская часть стала с оружием в руках против другой кубанской воинской части, исполнявшей распоряжение Кубанского Правительства. Черноморский полк, не желая начинать кровопролитие со своими же братьями казаками, немедленно прислал в Екатеринодар (Тихорецкая находится в 127 верстах от Екатеринонара по железной дороге) делегацию на Войсковую Раду. Рада издала самые строгие приказы всем кубанским войскам о защите Края от надвигавшейся анархии, Рада ввела смертную казнь, как высшую меру наказания, Рада избрала верховный суд для разбора случаев неповиновения краевой власти или отказа от его защиты. Однако, все эти меры не подняли дисциплины и боеспособности в кубанских частях. Положение на станции Тихорецкой стало настолько угрожающим для Черноморского полка, что он принужден был уйти оттуда. Тихорецкую скоро заняли части 39 большевицкой дивизии и стали угрожать самому Екатеринодару.

Так сами кубанские казаки содействовали появлению вооруженных большевицких сил на одной из важнейших железнодорожных станций на Кубани.

Подробное изучение наступления большевицких русских войск на Дон в конце 1917 и начале 1918 года приводит к неопровержимому выводу, что только благодаря переходу на сторону большевиков донских казачьих полков: Атаманского, лейб-казачьего, 44, 28, 29, частей 10, 27, 23, 8 и 43 полков, 14 отдельной сотни, и батарей: 3, 28, 12 и 13, 2-го пешего батальона и Каменской местной команды, только благодаря организации самими казаками Военно-Революционного Комитета и его действиям против выборного Донского Атамана Каледина и Донского Правительства, большевики смогли захватить Дон в январе — феврале месяцах 1918 года. Отряд героя Дона, полковника Чернецова, у станицы Каменской был разбит казаками и сам Чернецов был убит казаками же и т. д. Большевики в своих описаниях тогдашней борьбы сами признают, что им удалось „казачью контр-революцию на Дону задушить казачьими руками".

Также является весьма поучительной история с возвращением из Финляндии на Кубань 5-ой Кубанской казачьей дивизии. Командующий большевицкими войсками Антонов пишет, что эта дивизия получила разрешение продвинуться на Кубань только после того, как „в ней были выбраны желательные для нас (большевиков) командиры и признан комиссаром тов. Мирошниченко" (кубанский офицер):

> „После того, как 5-я Кубанская казачья дивизия выполнила пред'явленные ей требования, я разрешил ей двинуться на Кубань через Царицын, дабы прочистить дорогу нашим войскам и поддержать советскую власть на Кубани. Это движение организовывалось, однако, крайне медленно", пишет Антонов (Антонов-Овсеенко: Записки о гражданской войне, т. I, стр. 35 и 45).

При каких условиях и с какими действительными намерениями выехала эта дивизия на Кубань, Кубанскому Правительству не было известно. Только у комиссара ее, куб. оф. Мирошниченко, было отобрано в Екатеринодаре письменное распоряжение Ленина о том, что 5-ая дивизия посылается на Кубань с целью ликвидации Кубанской Рады, Атамана и Правительства и установления советской власти. Этот документ был распубликован в газете „Куб. Край" в феврале 1918 г.

Этот факт ни в коем случае, конечно, не может являться пятном для целой дивизии. Дивизия никакого переворота на Кубани не производила, но и не захотела стать на защиту своего Края от наступающих со всех сторон большевицких войск. А между тем в то время одной кубанской дивизии было абсолютно достаточно для ликвидации вооруженных большевицких банд, скоплявшихся по железным дорогам Кубани.

Когда мы говорим о той или иной воинской кубанской части, то делаем это в данном случае не для того, чтобы подчеркнуть ее доблесть или отсутствие сознания долга перед Кубанью, а только для того, чтобы на конкретных примерах характеризовать общее настроение, охватившее буквально все кубанские воинские части в первый период борьбы на Кубани (1917 и начало 1918 г.).

Выше мы сказали уже о результатах усилий кубанских генералов, привлеченных Кубанским Правительством к организации вооруженной защиты Кубани, теперь мы на нескольких примерах показали настроение рядового казачества, собранного в казачьих воинских частях. Далее мы отметим и другие серьезные попытки, делавшиеся Кубанским Правительством для организации защиты Кубани.

Уже в ноябре 1917 г. было ясно, что больших надежд на существующие воинские кубанские части возлагать нельзя. Поэтому одновременно с назначением генерала Черного на пост Командующего кубанскими войсками, Кубанское Правительство поручило доблестному кубанскому полковнику, С. Улагаю, формирование партизанского отряда, долженствовавшего собрать кубанских добровольцев, желавших стать на защиту Кубани. Однако, полковник Улагай „не оказался хорошим организатором", как пишет бывший Куб. Атаман Филимонов, „и, провозившись около месяца с этим делом, заявил мне, что он в него не верит... К мнению полк. Улагая присоединился и командующий Куб. армией генерал Черный" (Белое Дело, т. II, статья А. Филимонова: Кубанцы). Зато успешно шла организация партизан войсковым старшиною Голаевым, собравшим в своем отряде около 300-400 человек, главным образом офицеров. Этот отряд вместе с казаками гвардейского дивизиона, мобилизованными казаками станицы Пашковской, Черкесским полком и юнкерами Кубанского Софийского в. училища, разбил большевиков под Энемом 22-24 января и спас Екатеринодар от захвата его большевиками, наступавшими со стороны Новороссийска.

В январе 1918 г. бывший представитель Кубанского казачьего Войска в Государственной Думе Кондрат Лукич Бардиж выступил перед Кубанским Краевым Правительством с проектом организации на Кубани вольно-казачьего движения с целью защиты Кубани от наступающих со всех сторон большевицких войск. Имелось в виду кликнуть вольно-казачий клич по станицам Кубани, напомнить казакам былую их славу и войны за свою свободу и всем до одного подняться на защиту Кубанской Республики. Кубанское Правительство весьма сочувственно отнеслось к этому начинанию, выдало К. Л. Бардижу соответствующие уполномочия и достаточные средства (1 мил. рублей) на организацию этого дела. К. Бардиж собрал около себя преданных делу защиты Кубани офицеров (среди них был весьма храбрый и распорядительный полковник Демяник — член Куб. Рады) и немедленно приступил к делу. Скоро он сорганизовал отряды в станицах, расположенных по линии Черноморско-Кубанской жел. дороги и не допустил распространения большевицких войск по территории бывшего Войска Черноморского. Видя это, большевики в Новороссийске, в Крымской и в Темрюке стали собирать войска для противодействия движению, организованному Бардижем. Они послали из Новороссийска делегатов в Батум и Трапезунт для набора войск с целью борьбы с „кубанской контр-революцией". Благодаря тому, что Черное море в то время уже было в распоряжении большевицкого черноморского флота, делегатам удалось привезти в Ново-

российск более 10-ти тысяч солдат с достаточным вооружением. Однако, солдаты по прибытии в Новороссийск далеко не все согласились выступить против Кубани и начали эшелонами пробиваться по железной дороге к Екатеринодару и далее через Тихорецкую в Россию. Несмотря на это, большевикам удалось собрать у станицы Крымской отряд силою около 12 тысяч человек (А. Рондо: К истории борьбы с контр-революцией на Северном Кавказе. Журнал: „Путь Коммунизма", кн. III, стр. 18. Краснодар, 1922). Эти войска были направлены из Крымской на станицу Троицкую и далее на Славянскую и Полтавскую.

Среди большевицких войск выдающуюся роль сыграли прибывшие с Кавказского фронта Варнавинский полк и 1-й мортирный дивизион.

Хотя, в конце концов, восставшие казаки Таманского отдела и потерпели поражение под ст. Славянской, но все же им удалось в течение нескольких недель приковывать к себе большие силы большевиков, стремившихся из ст. Крымской наступать на Черноморию по линии Черноморско-Кубанской железной дороги.

Часть отдела Баталпашинского и отделы Лабинский (Армавир) и Майкопский были заняты большевиками в первой половине января 1918 года. В январе месяце Куб. Правительство послало было в эти отделы группу офицеров для организации там воинских частей. Вскоре стало известно, что эти офицеры не смогли выполнить возложенной на них задачи, так как не смогли пробраться в эти отделы.

Захват большевиками Лабинского и Майкопского отделов и всей восточной части Кавказского отдела со станциями Тихорецкой и Кавказской, а также успешные действия кубанских отрядов, защищавших Екатеринодар со стороны Кавказской и Тихорецкой, а также успешные действия отрядов Бардижа в Черномории поставили перед кубанской властью вопрос об организации народного казачьего движения на еще свободной от большевиков территории Кубани — на землях бывшего Войска Черноморского. Было решено созвать в станице Брюховецкой, географическом центре Черномории, Черноморскую Раду на 15-ое февраля, а в Ейском отделе — Отдельский с'езд на 11 февраля. Этот с'езд действительно состоялся 11—13 февраля в станице Уманской в составе представителей казачьего и иногороднего населения. С'езд прошел с большим под'емом.

15-го февраля открылись заседания Черноморской Рады, на которую прибыли делегаты более чем 60-ти станиц. Охватившее всех чувство любви к родному Краю вылилось в постановлениях об организации немедленной обороны. Был составлен подробный план мобилизации станиц, назначены места сбора ударных групп войск для немедленного очищения от большевиков линий железной дороги Екатеринодар-Тихорецкая-Ростов, Тихорецкая-Кавказская-Армавир, Славянская-Крымская- Новороссийск. В самой Брюховецкой были уже мобилизованы казаки и каждую минуту готовы были выступить по указанному направлению. Как вдруг, перед самым концом работ Черноморской Рады, в ночь на 17-ое февраля было получено ошеломляющее и неожиданное известие о том, что на полпути между Тихорецкой и Екатеринодаром, у станции Выселки, большевики разгромили кубанский отряд, защищавший это направление, и спешно наступают к Екатеринодару. Это сообщение вызвало немедленное прекращение работ Рады.

Тут мы должны остановиться на двух обстоятельствах, ускоривших захват большевиками власти на Кубани. Первое — это роль рядового казачества в этой тяжелой борьбе, другое — роль первого избранника Кубани, Кубанского Войскового Атамана Филимонова.

Выше мы уже характеризовали настроения рядового казачества. Как бы там ни было, а К. Л. Бардижу удалось поднять Черноморию для борьбы с надвигающимся большевизмом; однако, не все казаки брались тогда за оружие. Нашлись и такие, которые не только не поддержали своих братьев, поднявшихся на борьбу с большевизмом, а сами помогали большевикам.

Советская Россия бросила свои войска на Украину в двух основных направлениях: 1. через Харьков в Донецкий Бассейн и далее против Ростова и Новочеркасска и 2. против Киева. 25 января, после 10-ти дневной бомбардировки Киева из тяжелых орудий, войска полковника Муравьева захватили столицу Украины. После этого они все свое внимание направили в сторону Дона. В это время 39 дивизия занимала линии железной дороги — Тихорецкая-Армавир и Тихорецкая-Торговая. В начале февраля командующий большевицкими войсками, Антонов, передал этой дивизии распоряжение наступать по железной дороге с юга на Батайск-Ростов, жалая этим достигнуть окружения этого громадного промышленного и торгового центра Казачьих Земель.

Еще в декабре месяце 1917 года Донской Атаман Каледин просил у Кубани помощи людьми для отражения большевицких войск, наступавших с севера и северо-запада. В виду вышеописанного состояния кубанских строевых частей, Кубанское Правительство не могло послать на Дон просимую вооруженную силу и принуждено было ограничиться посылкой оружия.

В конце января, когда К. Л. Бардиж сорганизовал казаков Черномории, у него, естественно, явилась мысль немедленно оказать помощь Дону. Поэтому он решил направить часть своих войск через Староминскую (узловая жел.-дор. станция Черн.- Куб. ж. д.) и Кущевскую (узл. станция Владикавказ. ж. д.) на Ростов и ударить в тыл большевицким войскам, скопившимся у Батайска. Эта операция подготовлялась втайне. Один отряд войск Бардижа был продвинут на станцию Староминскую. Командовал им полковник Демяник. В станице Староминской находились штабы кубанской батареи и казачьих батальонов, прибывших с фронта. Часть казаков этих частей разошлась по станицам, а другая находилась в станице Староминской. Узнав о том, что на станцию Староминскую прибыли войска Бардижа, казаки расположеных в Староминской воинских частей через свою делегацию пред'явили начальнику отряда, полковнику Демянику, категорическое требование о немедленном удалении отряда со станции Староминской, грозя, в случае неисполнения этого требования, расстрелять отряд из имеющихся в Староминской орудий. Все раз'яснения со стороны начальника и казаков отряда не привели ни к чему. Представители казачьих частей, расположенных в Староминской, возвратились в станицу, грозя немедленно открыть орудийный огонь по станции. Вследствие этой угрозы отряд Бардижа отошел из Староминской в Новоминскую вместо того, чтобы продвинуться и занять Кущевку и перерезать железную дорогу Тихорецкая-Ростов,

В ночь на 11 февр. на станцию Староминскую прибыл сам Бардиж с войсками. 11-го же февраля станицу Староминскую посетили члены Куб. Рады: Ф. А. Щербина, Султан-Шахим-Гирей, П. Макаренко и др. и выступили на многотысячном митинге. Это выступление едва не окончилось убийством прибывших членов Рады; фронтовые казаки перерезали телефонные и телеграфные провода, соединявшие станицу Староминскую с Уманской и станцией и привели орудия в боевую готовность, с намерением открыть огонь по отряду Бардижа.

Так сами казаки сорвали задуманную Бардижем операцию.

Необходимо подчеркнуть, что ст. Староминская имела тогда около 24 т. только казачьего населения и и легко могла выставить сильный отряд для защиты Кубани. Как оказалось, еще перед этим, 9-го февраля, она поспешила признать советскую власть. Рядовые казаки на митинге требовали от членов Рады немедленного увода со станции отряда Бардижа, заявляя, что большевики ничего злого для них не сделали и что, если надо будет, староминцы сами себя защитят от большевиков, если последние будут притеснять как-либо казаков.

Само рядовое казачество в значительной мере виновато в том, что в самом начале большевицкого нашествия на выступило для защиты своего Края. За свою ошибку оно дорого заплатило потом и своими головами и своим имуществом.

Казачьи войсковые части были до крайности утомлены 3-х летней тяжелой войной; 1914—1917 г. г. их

беспрерывно перебрасывали с фронта на фронт, спасая положение в наиболее угрожаемых участках; с марта до октября-декабря 1917 г. эти казачьи части видели полный развал многомиллионной русской армии; потом, пробиваясь в течение многих недель с фронта в родные Края, казачьи части слышали со всех сторон, что власть в их родных Краях захватили помещики и капиталисты, и не только слышали, а читали об этом в газетах и специальных прокламациях, в распоряжениях и призывах русского большевицкого правительства... Окруженные со всех сторон разлагающей пропагандой со стороны русской революционной демократии, не встречая ни на фронте, ни по пути своего следования широко и серьезно поставленной контр-пропаганды, организованной правительствами Казачьих Земель; видя, как миллионная солдатская масса верит большевикам, видя всюду ненависть к себе, казаки падали духом...

Да и за что и против кого воевать?! Ведь большевицкое правительство обещает немедленное прекращение давно проигранной внешней войны, обещает всем трудящимся свободу, равенство, братство и материальное благополучие, а рядом с тем, ничего не собирается отбирать у трудового казака, больше того, в своих обращениях специально к казакам оно об'явило:

„1. Отменить обязательную воинскую повинность казаков и заменить постоянную службу краткосрочным обучением при станицах.

2. Принять на счет государства обмундирование и снаряжение казаков, призванных на военную службу.

3. Отменить еженедельные дежурства казаков при станичных правлениях, зимние занятия, смотры, лагери.

4. Установить полную свободу передвижения казаков" и т. д.

...По новому советскому закону, земли казаков-помещиков должны без всякой платы перейти в руки казаков-тружеников, казачьей бедноты... (из обращения советской власти к казакам 12 декабря 1917 года).

За что же казак должен воевать, если все это ему дает новая русская власть? Она снимает с казака все тяготы, да еще и передает ему землю, при царях забранную у него казачьими помещиками!

А кто эти новые правители казачьих земель? Они известны только в сравнительно небольших районах их передвоенной деятельности. Всему казачеству они не известны. Почему теперь казак должен так сразу бросаться с оружием в руках против „братьев солдат, которые также „измучены долгой войной", которые также „хотят мира и спокойствия". Сначала рядовые казаки вообще не верили в то, чтобы „братья солдаты" пошли против казаков с оружием в руках.

Кроме того, из большевицких заявлений казаки знали, что в Казачьи Земли убежали контр-революционные генералы — Корнилов, Алексеев, Деникин и многие другие. Об их контр-риволюционности казаки читали не только в газетах и прокламациях, но русское Временное Правительство еще в сентябре об'явило об этом по всей России в своих приказах и подвергло их аресту в Быхове. Теперь эти генералы нашли приют на Дону под покровительством Атамана Каледина, да еще набирают здесь армию добровольцев...

И смущалась душа казка...

К тому же казачьи правители в своей деятельности допустили крупные, больше того, роковые ошибки. Такой безусловной ошибкой на Дону было: организация блока казаков с кадетской партией при выборах в Учредительное Собрание и разрешение русским генералам набирать войска на донской территории. Эту ошибку допустили казачьи верхи... Если „верхи казачьи" могли вступать в блок с русскими кадетами, то почему рядовое казачество не может блокироваться с русскими солдатами?.. И если подробно изучить и об'ективно оценить всю историю с организацией казаками Дона Военно-Революционного Комитета, если хорошенько присмотреться к деятельности казачьих воинских частей, поддерживавших этот Комитет, там можно найти не только элементы заблуждений одних и предательства других, но и желание казаков разорвать союз Дона с пришлыми русскими элементами — добровольческой армией и кадетской партией. Свой известный ультиматум Войсковому Правительству, переданный 10-го января, этот Комитет заканчивает пожеланием устройства на Дону „постоянной трудовой власти всего населения".

Рядовое казачество сделало большую ошибку, пойдя на соглашение с русской советской властью через Донской Военно-Революционный Комитет. Не меньшую ошибку допустили и выборные руководители казачества, организовав на Дону в декабре-январе триумвират генералов Каледина-Корнилова-Алексеева — это, как говорит Деникин, „в скрытом виде первое обще-русское противо-большевицкое привительство" (Деникин: Очерки Русской Смуты, т. II, стр. 189).

Тогда же при Добровольческой армии был организован Совет с целью

„Организации хозяйственной части Армии, сношения с иностранными и возникшими на казачьих землях местными правительствами и с русской общественностью, в подготовке аппарата управления по мере продвижения вперед Добровольческой Армии".

В Совет вошли: от Дона М. П. Богаевский, П. М. Агеев, Н. Е. Парамонов, С. П. Мазуренко и русские люди: П. Н. Милюков, М. М. Федоров, П. Б. Струве, князь Г. Н. Трубецкой, Б. В. Савинков, Белецкий, Ведзягольский (Донская Летопись, т. II, стр. 162—163). Таким образом, донские верхи уже тогда согласились формально уступить руководство вооруженной борьбой с большевиками Добровольческой армии, боровшейся за единую, неделимую Россию, а донские фронтовики подчинили Дон русской советской власти.

Были допущены весьма серьезные ошибки и на Кубани. Первая из них — это поспешный созыв в апреле мес. 1917 г. С'езда, собранного без необходимой предварительной подготовки. С'езд этот, избрав Кубанский Областной Исполнительный Комитет, передал власть над Кубанью в руки случайного и искусственного русского большинства членов этого Комитета во главе с русским единонеделимцем, соц.-дем. Турутиным. Позже, в начале июля месяца того же года, казаки принуждены были исправлять революционным путем допущенную весною ошибку, перебирая в свои руки управление Краем путем выхода казаков из Областного Исполнительного Комитета и Областного Совета. Это обстоятельство дало возможность русским людям, собранным в бывших Комитете и Совете, повести агитацию против казаков, как против нарушителей соглашения, будто бы достигнутого весною на Областном С'езде.

Следующей крупной ошибкой, допущенной уже Кубанской Войсковой Радой в октябре месяце 1917 года было избрание полковника Филимонова на пост Кубанского Войскового Атамана. Эта ошибка может быть об'яснена тем, чрезвычайно важным, обстоятельством, на которое мы указывали выше: предыдущая история Кубани не создала вождей, испытанных в политической работе и известных всей Кубани, таких вождей, которым бы верила Кубань.

Выше мы уже характеризовали обстановку и условия, при которых происходили эти выборы. Здесь только добавим, что сам Филимонов и его сторонники очень играли на демократизме этого кандидата в Атаманы, особенно подчеркивая то обстоятельство, что при царе он защищал на суде известную революционерку Спиридонову...

Остановимся теперь на характеристике его действительной роли в первый период борьбы за самостоятельность Кубани.

Приступив к организации своих вооруженных сил на Дону, русские генералы прилагали большие усилия к тому, чтобы Казачьи Земли вообще сделать базой создания единой и неделимой России, а Казачество сделать послушным материалом в своих руках для свержения большевицкой власти в России и установления верховенства русского народа над всеми народами, покоренными Россией в предыдущий период ее истории. Поэтому эти генералы (и вообще русские люди) стремились взять в свои руки вооруженные казачьи силы, а деятельность казачьих правительств поставить под свой контроль. Как мы видели, это им удалось на Дону.

Русское верховное руководительство нашло свое оформление в организации Триумвирата генералов Алексеева, Корнилова и Каледина и в организации Совета при Добровольческой армии.

Генерал Алексеев дважды приезжал в Екатеринодар в конце 1917 г. с целью добиться от Кубанского Правительства разрешения на формирование на Кубани добровольческих отрядов, подчиненных генеральскому центру на Дону. Кубанское Правительство не дало генералу Алексееву просимого разрешения, а само приступило, как мы видели, к организации отрядов партизан и вольного казачества. Кроме того, товарищ председателя Юго-Восточного Правительства И. Л. Макаренко получил от Кубанского Правительства средства на организацию армии этого Союза; были выданы также средства и предоставлены помещения для организаци отряда из украинцев („Сич"). За это дело взялась группа кубанских офицеров во главе с есаулом Удовика.

Когда Кубанское Правительство отказало генералу Алексееву в разрешении организации добровольцев на Кубани, русский политический и военный центр на Дону нелегально послал на Кубань целый ряд тайных вербовщиков, которые, как стало известно много позже, согласно тайного соглашения между Кубанским Атаманом Филимоновым и генералом Алексеевым, приступили к работе на Кубани. Для общего руководства работой этих вербовщиков и для непосредственной и постоянной связи с Атаманом Филимоновым на Кубань был прислан из Новочеркасска генерал Эрдели. Относительно роли его на Кубани генерал Деникин говорит следующее:

> „Еще с января месяца (1918 г.) в Екатеринодаре жил генерал Эрдели в качестве представителя Добровольческой Армии. В числе поручений, данных ему, было подготовить почву для включения Кубанского отряда в состав Добровольческой Армии" (Деникин: Очерки Р. Смуты, т. II, стр. 269).

Среди появившихся на Кубани вербовщиков был и капитан Покровский. Он очень скоро приблизился к семье Атамана Филимонова и стал во дворце желательным и постоянным посетителем. Этому пришельцу, совершенно неизвестному на Кубани человеку, Атаман Филимонов выдал 100 тысяч рублей на организацию добровольцев. Обстоятельства сложились так, что в первом же бою на Кубани, под Энемом у Екатеринодара, был убит в январе 1918 года организатор кубанских партизан, доблестный войсковой старшина Голаев. Только теперь, уже за границей, внимательно изучая по доступным для нас материалам все перепетии тогдашней войны, мы устанавливаем, почему после смерти Голаева Атаман Филимонов назначил чужого для Кубани человека, капитана Покровского, начальником кубанских войск, действовавших против большевиков, наступавших из Новороссийска, почему после боя под Григорие-Афипской Атаман Филимонов произвел Покровского сразу в полковники. Всеми этими мерами „подготовлялась почва для включения Кубанского отряда в Добр. Армию", как пишет Деникин. Уже за границей сам Филимонов описывает свои взаимоотношения с Покровским. При чтении этих повествований становится стыдно за бывшего Кубанского Атамана и щемящая боль охватывает душу читателя-кубанца. До чего унижал славную Кубань этот первый ее избранник! (Белое Дело, т. II, статья А. Филимонова: „Кубанцы"). Выдвигаемый по соглашению с Добрармией капитан Покровский сам хорошо понимал свою роль на Кубани.

Филимонов пишет, что Покровский в одном из разговоров с ним настаивал на немедленном смещении генерала Гулыги с поста командующего Кубанской Армией. И Филимонов слушается и отстраняет генерала Гулыгу и 14 февраля назначил Покровского на его место, хотя сам Филимонов находил, что Покровский „неопытный, очень молодой, сомнительных военных знаний стратег" (там же). Тот же Филимонов сообщает, что против назначения летчика Покровского на пост командующего кубанскими войсками решительно стоял член Кубанского Правительства по военным делам, полковник Успенский. Не смотря на это, Филимонов настолько слепо исполнял задания, полученные от генерала Алексеева, что не остановился обойти всех кубанских офицеров, среди которых было много людей, теоретически и практически подготовленных и безусловно доблестных и распорядительных командиров частей, не остановился устранить генерала Гулыгу, пренебрег мнением военного министра и угрозой последнего, в случае назначения Покровского на пост командующего Куб. войсками, выйти в отставку, и осмелился назначить Покровского командующим вооруженными силами Кубани. За назначение Покровского высказался представитель Добровольческой армии, генерал Эрдели, находя, „что при данных обстоятельствах назначение Покровского может дать благоприятные результаты" (там же). В тот же день военный министр Успенский подал рапорт об увольнении его от службы. Начальником штаба при Покровском остался полковник В. Г. Науменко.

Почему же Атаман Филимонов поспешил назначить Покровского на такой высокий и чрезвычайно ответственный пост? Какие такие „благоприятные результаты" могло дать это назначение?

В Екатеринодаре были получены сведения, что добровольческий отряд оставил Ростов и направляется на Кубань. Для русских людей было весьма важно иметь своего человека во главе войск Кубанского Края. В это время обстановка на Кубани складывалась не в пользу белого русского дела.

„Вновь избранная (паритетная) Законодательная Рада открыла свою сессию 8-го января и с первого же дня приступила к кипучей творческой работе, результатом которой явилось принятие целого ряда законов, разработанных Правительством и комиссиями Рады. Важнейшими из этих законов явились: провозглашение Кубани самостоятельным государственным образованием — республикой, закон о созыве Кубанского Учредительного Собрания, основные законы Кубанского Края, о 8 часовом рабочем дне, закон о правительственном контроле над промышленностью, закон об увеличении жалованья народным учителям и др. Необходимо отметить, что декларация Кубанского Краевого Правительства (паритетного), единогласно принятая и одобренная Законодательной Радой 28 января, содержала в себе всесторонне разработанную программу решения важнейших политических и экономических вопросов жизни Края"... (Кубанец: От Екатеринодара до Мечетинской. Ростов н/Д. 1918).

Казачество постепенно стало пробуждаться, понимать создавшуюся обстановку и браться за оружие... Уже бились казаки с большевиками под Энемом и Афипской, под Славянской и Полтавской, под Армавиром... Уже Бардиж поднял несколько тысяч казаков Черномории... В Баталпашинской, в Уманской, в Незамаевской, в Прочноокопской казаки, под руководством своих атаманов и офицеров, не допускали захвата власти большевиками... На 11 февраля собран С'езд представителей всех станиц Ейского отдела, а на 15 февраля в станице Брюховецкой созвана Черноморская Рада...

Все, кто организовывал тогда борьбу, верили в успех (в противном случае преступно было бы поднимать народное движение...). Между прочим, в то время весьма и весьма многие верили в скорое падение большевицкой власти, ибо не понимали или не хотели понимать того, что эта власть выросла органически из прошлого России, что эта власть для великороссов является своей в известный период их истории... А что бы делали русские люди, пришедшие в Казачьи Земли собирать силы для воссоздания великой, неделимой русской монархии, что бы они делали, в случае успеха народных движений в Казачьих Землях?

Они принуждены были бы распылиться среди населения новых республик. Они могли бы также отправиться за границы Казачьих республик, в Великороссию, и поискать себе сторонников среди родных по крови и духу русских людей и померяться силами там с большевиками. Но русские люди, составлявшие Совет при Добровольческой Армии, и русские генералы, все эти

Милюковы, Струве, Феодровы, Трубецкие, Деникины, Алексеевы хорошо знали своих русских братьев и потому не имели надежды на успех среди них. Русские патриоты пришли собирать вооруженные силы среди казаков, пришли взять казачью доблесть под свое командование и этой силой, умноженной за счет русских патриотов-антибольшевиков, завоевать свой русский народ, крепко взять в свои руки власть над ним и тогда уже расправиться и с сепаратистами-казаками... Свой успех русские люди думали строить: 1. на отсутствии национального самосознания у нерусских народов и 2. на работе изменников и предателей среди этих народов...

Не только бывший начальник штаба и Верховный Главнокомандующий вооруженных сил России генерал Алексеев и другие генералы, но и рядовые, штатские русские люди прекрасно знали, что казаки во время войны 1914—1917 г. г. выставили на фронт более 200 тысяч вооруженных людей, что только три Войска — Донское, Кубанское и Терское — могли дать более 150 тысяч бойцов. Строители России никогда не были фантазерами. Не были таковыми и те, что собирали вооруженные силы в Добр Армию на Дону. Они поставили своей целью захват в свои руки казачьего народного вооруженного освободительного движения и твердо шли к своей цели.

Кубанское Правительство категорически отказало генералам в наборе добровольцев на Кубани. Тогда русские люди решили обходным движением обойти это запрещение. Проводником их желаний на Кубани явился Филимонов.

На 15-ое февраля была собрана Черноморская Рада, а 14-го февраля Филимонов назначил капитана Покровского на пост командующего Кубанской армией. А перед этим генерал Белоусов (сторонник Добр. армии) был назначен начальником снабжения армии, а немного позже еще один агент Добр. арми, полк. Туненберг, был назначен командиром Куб. стр. полка.

Напрасно представители населения Кубани, собираясь в Раде, вырабатывали законы, долженствующие закрепить самостоятельность Кубани; напрасно Рада отражала нападения Долгополовых, Турутиных, Моревых, не желавших освобождения Кубани от русского владычества; напрасно казаки и иногородние так долго говорили и спорили о том, кто имеет права гражданства в Кубанской Республике; напрасно Законодательная Рада 28 января единогласно одобрила декларацию Кубанского Краевого Правительства, формально провозгласившую существование Кубанской Народной Республики... Одним ловким закулисным маневром выборный Кубанский Атаман Филимонов передал вооруженные силы Кубани в руки первого единомышленника группы русских генералов...

Каковы были последствия этого назначения? Ближайшим последствием этого безусловно преступного шага Филимонова было то, что 16 февраля „покровцы пропили Выселки", лежащие в 40 верстах от Тихорецкой на железной дороге Тихорецкая-Екатеринодар. Здесь были сосредоточены главные кубанские силы, защищавшие Екатеринодар со стороны наступавших большевиков. Приняв командование Кубанской Армией, Покровский переехал в Екатеринодар и большую часть времени проводил во дворце Куб. Атамана... Начальником кубанского отряда под Выселками был назначен агент Добрармии, полковник Ребдев. Ближайший сотрудник Покровского и его единомышленник, В. Леонтович, так определяет причины катастрофического и рокового поражения:

> „Легкость взгляда на противника, отсутствие распорядительности и бдительности, вино, широко лившееся в штабных вагонах, — все это было причиной того катастрофического отката от Выселок, который явился следствием ночного нападения большевиков. Выселки были началом конца. Эта первая крупная неудача окончательно изменила настроение казаков, подорвала дух добровольцев и веру их в свои силы. По Екатеринодару поползли зловещие слухи: Выселки — пропиты, сданы без боя. Громко назывались имена виновников и порождали злобу и тревогу среди обывателей. Тыл панически волновался. (Вл. Леонтович: Первые бои на Кубани. Мюнхен, 1923).

О причине катастрофы под Выселками генерал Филимонов говорит следующее:

> „Генерал Корнилов, идущий с Дона на соединение с кубанцами, через две недели после этого занял выселки и впоследствии, 17 марта в ст. Новодмитриевской говорили мне (Филимонову), что казаки станицы Выселки рассказывали ему о том, как „Покровцы пропили Выселки" (Белое Дело, т. II, статья А. Филимонова).

Далее Филимонов, уже после смерти Покровского, публикует за границей:

> „При всяких нормальных условиях военных действий, Покровский, как командующий армией, за дело под Выселками подлежал бы ответственности". (Там же).

Как мы уже говорили выше, сообщение о катастрофе под Выселками было получено в Брюховецкой на заседании Черноморской Рады в ночь с 16 на 17 февраля, именно в тот момент, когда казаки Черноморцы должны были приступить к осуществлению плана ликвидации большевицкого фронта именно под Выселками.

Поспешное наступление большевиков со стороны Тихорецкой к Екатеринодару внесло колоссальную путаницу во все операции по защите Екатеринодара. Дело в том, что появление чужого, неопытного, молодого человека во главе Кубанских войск внесло полное моральное разложение в казачью среду вообще. Ни рядовое казачество ни, тем более, кубанское офицерство не могло верить и действительно не верило тому, чтобы Покровский мог провести организацию защиты Екатеринодара, мог воодушевить казаков и быть во главе народного движения.

Появление капитана летчика Покровского во главе Кубанской армии у многих, не только рядовых, но и выдающихся организаторов казачества, убило веру в кубанский правительственный центр. Сам Филимонов пишет, что весьма популярный на Кубани организатор вольно-казачьего движения К. Л. Бардиж, как и многие другие, „считали назначение Покровского командующим армией гибелью Кубани". Не желая вести борьбу с Атаманом из-за его злого дела, не желая открыто вступать в борьбу с кубанским правительственным центром, многие кубанцы начали отходить в сторону от правительственных войск, от организационного центра. Так сделал, прежде всего, военный министр полковник Успенский, уйдя с поста военного министра, так сделал К. Л. Бардиж, уйдя в горы со своими сыновьями; так поступили полковник Маркозов, Бурсак и многие другие... Потом от правительственных войск откололся целый конный отряд полковника Кузнецова и тоже ушел в горы... Не признавали Покровского полковник Улагай, полковник Демяник, полковник Бабиев и другие (Белое Дело, т. II, статья А. Филимонова). Доверие к кубанскому правительственному центру было подорвано, все начинания, связанные с созывом Черноморской Рады и с мобилизацией казаков, были разрушены.

Через 14 дней после назначения Покровского на пост командующего Куб. армией, Кубанская Законодательная Рада, Куб. Правительство и Атаман с отрядом в 3000 человек ушли из Екатеринодара. Сама эвакуация была для населения неожиданной, была неожиданностью и для многих бойцов; целый отряд на Пашковском направлении был оставлен и сам потом пробивался за Кубань. Вследствие всего этого много людей, которые остались в Екатеринодаре, не могли присоединиться к отряду и увеличить его боевое значение.

Центр политической, хозяйственной и культурной жизни Края был поспешно передан большевикам, которые сами не ожидали, что на их долю выпадет такое счастье — занятие без боя столицы Кубани. Это видно из всех их описаний обстоятельств, при которых они заняли Екатеринодар. Для них просто неожиданным был приезд на раз'езд Лорис 1-го марта делегации городской думы города Екатеринодара с сообщением об очищении Екатеринодара кубанскими войсками и о подчинении столицы Кубани советской власти.

Факт оставления Екатеринодара правительственными войсками поднял настроение большевиков и убил морально их противников. Моральное значение этого факта не было бы так ужасным, если бы перед этим противниками большевиков не велось такой усиленной агитации по станицам, агитации, указывавшей на слабость большевиков и на большие противобольшевицкие силы, группирующиеся вокруг кубанского правительственного центра, если бы не было с'езда Ейского отдела, Черноморской Рады и т. д. Через две недели после этого понеслась по станицам, селам и аулам Кубани трагическая весть о сдаче Екатеринодара большевикам без боя... Отряды, собранные в станицах усилиями атаманов и местного офицерства, были распущены или принуждены были присоединиться к другому центру борьбы — Добровольческой Армии, двигавшейся в это время через Незамаевскую, Леушковскую и т. д. к Екатеринодару...

И судьбе угодно было подстроить все события так, что на том самом месте, под Выселками и Кореновской. где 16 февраля „покровцы пропили" сражение, генерал Корнилов разбил 10 тысяч красноармейцев с бронепоездами и большим количеством артиллерии" (Деникин, т. II, стр. 244-248). Этот факт показывал ясно, что большевиков можно было бить.

Разбирая события с русской точки зрения и с точки зрения своих личных интересов, желая скрыть от современников и от будущих поколений свою безусловно предательскую, мерзко преступную роль на Кубани, генерал Филимонов сам теперь, уже за границей, пишет:

> „Удержаться в Екатеринодаре до соединения с Корниловым означало не только спасение Кубани, но и полную ликвидацию неорганизованных и необ'единенных еще тогда банд большеиков. Прибытие в Екатеринодар Корнилова было бы сигналом к присоединению к Кубанской Армии всех казаков, которые до того заняли выжидательную позицию. А самое главное это то, что кубанское правительство сохранило бы свой авторитет полностью" (Белое Дело, т. II, статья Филимонова).

Появление летчика Покровского во главе вооруженных сил Кубани привело не только к отходу от кубанского правительственного центра целого ряда военных и гражданских организаторов защиты Кубани, привело не только к тому, что главное направление наступления большевиков на Екатеринодар, Тихорецкое, было просто пропито, что и вызвало скорую эвакуацию Екатеринодара, екатеринодарский большевицкий террор, вызвало не только уверенность большевиков в своих силах, но и окончательно подорвало воинский дух и, даже, боеспособность частей, вышедших с Кубанским Правительством и Радой в поход.

Наше желание при описании трагедии Казачества быть максимально об'ективными заставляет нас при описании предательской роли изменников и врагов Казачества прибегать к цитированию слов самих гробокопателей Казачества.

Относительно положения в кубанском отряде после оставления Екатеринодара Филимонов говорит следующее:

> „В Шенджие (первая остановка отряда по выходе из Екатеринодара) обнаружилась печальная картина — отсутствия единодушия среди начальников частей и острых раздоров между ними. Выяснилось, что Покровский популярен лишь среди чинов своего партизанского отряда. Начальники же почти всех остальных частей в него не верили и не признавали его авторитета. Полковник Улагай и капитан Раевский открыто заявили об этом на совещании. К ним присоединились два других, более видных кубанских офицера: полковник ген. штаба Кузнецов и георгиевский кавалер Демяник...
>
> ... Авангард, высланный (из станицы Пензенской) вперед для занятия станицы Саратовской, задачи не выполнил, а наткнувшись на сопротивление большевиков, отошел назад, не проявив никакой устойчивости. В отряде чуствовались признаки деморализации. Военно-следственная комиссия, назначенная Покровским для расследования обнаруженной агитации в частях против него, произвела аресты; говорили о предстоящих расстрелах офицеров отряда, упоминалось имя полковника Улагая. Встревоженные поведением Покровского члены Рады просили меня (Филимонова) не допустить расправы Покровского с его личными врагами, во избежание полного развала армии"... (Там же).

Кубанский правительственный отряд не мог пробиться у станицы Саратовской, далее он возвращается с юга к Екатеринодару, получив сведения о наступлении Корнилова с севера на Екатеринодар... Когда стало известно, что Корнилова под Екатеринодаром нет, Кубанский отряд направился к переправе через реку Псекупс у аула Вочепший. У переправы находилась малочисленная большевицкая застава с пулеметами. Эту переправу за целый день не могли взять войска, руководимые командующим Покровским и начальником штаба полковником генерального штаба В. Г. Науменком... Вечером Покровский созвал военный совет на квартире представителя Добровольческой Армии, генерала Эрдели, и доложил, „что овладение переправой потребует больших жертв, что в случае успеха при дальнейшем движении, мы должны будем выдержать бой у (станицы) Бакинской, за исход которого он не ручается; что настроение войск подавленное"... и т. д. Далее Филимонов пишет:

> „С тяжелым чувством расходились мы из сакли, занимаемой генералом Эрдели, служившей местом совета, и хозяин которой,самый сильный военный авторитет, тоже советывал нам уходить в горы. Но и этот бесславный отход уже не был безопасен... Решено было двигаться глубокой ночью, обозы сократить до минимума, соблюдать гробовую тишину... бросались повозки... лишняя одежда...
>
> Ночь на 11-е марта была поистине кошмарной... Ко мне поминутно подходили и под'езжали старые почтенные офицеры и генералы и спрашивали: „Что происходит? Куда мы идем?"
>
> Всюду на меня смотрели недоумевающие глаза"... (Там же).

Такими словами описывает Филимонов трагедию Кубанского освободительного движения, возглавляемого выборным Кубанским Войсковым Атаманом.

Кубанский отряд, как затравленный зверь, уже десять дней беспомощно метался на небольшой площади, между Екатеринодаром и ст. Пензенской, между рекой Пшехой и ст. Калужской. А, ведь, в этом отряде было: пехоты 2.500 чел., конницы 800 чел., артиллерии 12 орудий, пулеметов 24. Во всех родах войск большинство — офицеры (Там же).

Против этого отряда были разрозненные, неорганизованные силы, преимущественно местных, закубанских большевиков. Весьма характерным для настроения большевиков было, скажем, то обстоятельство, что в ту же ночь (на 11-ое марта), когда по предложению командующего Кубанским отрядом, полковника Покровского и его начальника штаба, полковника В. Г. Науменко, кубанские войска отступали от переправы у Вочепшия, в эту же самую ночь большевицкая застава тоже снялась и ушла от переправы в другую сторону, на восток, к станице Бакинской, оставив переправу совершенно свободной...

В это самое время блуждания кубанцев за Кубанью „под мудрым и доблестным" руководством Атамана Филимонова и назначенных им командующего армией полковника Покровского и нач. штаба полк. Науменко, почти такой же численности отряд под руководством Корнилова прошел с боями всю Черноморию, разгромил 10-ти тысячный отряд большевиков под Выселками-Кореновской, взял 6-го марта переправу через Кубань у Усть-Лабинской, переправил свой большой обоз с 500 раненых и больных через многоводную Кубань, потом переправился через реку Лабу у Некрасовской, 10 марта разгромил значительные силы большевиков у Филипповского, переправился через большую реку

Белую и шел на запад на соединение с кубанцами. 10-го марта Корнилов был уже в ст. Рязанской, верстах в 20-25 к востоку от Кубанских войск. 11 марта корниловский раз'езд прибыл в Гатлукай, где 10 марта находились кубанцы, и, не найдя здесь кубанцев, раз'езд донес Корнилову, что кубанцы бросили имущество и бежали в горы.

Почему же Корнилов мог громить большевиков, мог переходить такие большие реки, как Кубань, Лаба, Белая и т. д., а в это же время почти такой же силы (в действительности больший) кубанский отряд так был деморализован, что не мог взять простой переправы через реку Псекупс?

Почему к отряду Корнилова присоединилось 140 казаков ст. Незамаевской, более 500 казаков ст. Брюховецкой и т. д., а в это же время от кубанского отряда ушел казачий конный отряд под командой полковника Кузнецова, а Покровский собирался расстреливать, вне всякого сомнения, доблестных и, в военном смысле, более его образованных кубанских офицеров? Почему ушел Бардиж, генерального штаба полковник Лисевицкий, который организовывал в январе-феврале месяцах отряд партизан и успешно, до сдачи Покровским Выселок, защищал от наступающих большевиков Кавказское направление (по железной дороге Екатеринодар-Кавказская)?!

Почему на Филимонова „всюду смотрели недоумевающие глаза"?

Всю вину за полное расстройство и деморализацию кубанских вооруженных сил в первый период борьбы, за поспешное и преждевременное оставление Екатеринодара несет руководитель вооруженных сил Кубани — бывший Кубанский Войсковой Атаман Филимонов.

Филимонов никогда не имел сколько-нибудь ясной программы государственного строительства Кубан.

Юрист по образованию, он не исполнил принятых на себя, под торжественной присягой, обязательств блюсти законы Кубани, принятые Радой. Он умел хорошо, даже красиво и с под'емом говорить, но речь его была полна демагогии... Человек безвольный, бесхарактерный, ради своей личной выгоды и мелкого тщеславия, заискивающий перед всеми сильными мира сего... Принимая власть от населения Кубани, он предавал это население, выполняя закулисные веления русских генералов. Клялся служить Кубани, но служил Алексееву, а позже Деникину. Присягал, что организует Кубанскую Армию, но в своей практической деятельности сознательно запутывал военные силы Кубани в сети русской контр-революции и, вместе с другими предателями и изменниками Кубани, много подло и долго поработал над тем, чтобы в решительный момент, по существу, оставить Кубань беззащитной...

В описываемый страшный период начала вооруженной борьбы с большевиками Филимонов не выявил ни разумного руководства, ни твердой воли, ни уменья подобрать офицерский состав армии и воодушевить казаков. Слепо, покорно и беспрекословно исполняя закулисные веления русских генералов — „подготовить включение кубанского отряда в добровольческую армию", — Филимонов назначением чужого для Кубани летчика Покровского на пост командующего Кубанскими войсками предавал кубанское освободительное движение.

Сам Филимонов видел прекрасно, что „девять десятых всего отряда проклинали меня (Филимонова) за несчастную мысль вручить судьбу отряда молодому, неопытному Покровскому. Я сам искренно считал себя преступником... (Белое Дело, т. II, статья А. Филимонова).

Так оценивает свою деятельность на Кубани генерал Филимонов в первый период борьбы. Он не ошибается: об'ективная, беспристрастная история Кубани безусловно назовет преступником первого выборного Кубанского Атамана. С этим нелицеприятным приговором истории сойдет генерал Филимонов и в могилу.

Само собою разумеется, что Филимонов не был одинок в своей предательской работе. Ведь, в то время, когда против назначения претестовал военный министр Кубани, полковник Успенский, когда старый казак, Кондрат Бардиж, это назначение называл гибелью Кубани; когда целый ряд доблестных кубанских офицеров протестовали против пребывания Покровского на посту командующего кубанскими войсками, — находились люди, которые добровольно поддерживали Филимонова-Покровского, занимая при последнем высокие посты. Среди этих людей выдающуюся роль играл начальник штаба у Покровского, полковник В. Г. Науменко. Чтобы по существу оценить роль этих людей в то время, надо помнить, что они, нарушая споконвечную солидарность казачьего офицерства, помагали Покровскому арестовывать честных кубанских офицеров в ст. Пензенской и в ст. Калужской. Предавали своих, лишь бы служить агенту группы русских генералов, взявшихся представлять собою Россию. Протестанты под угрозой расстрелов со стороны Покровского уходили в горы, там их ловили большевики и убивали беспощадно...

Самым тяжелым днем для Кубанского правительственного отряда был 11 марта 1918 года, когда он принужден был выдержать весьма серьезный бой с большевиками. Даже члены Кубанского Правительства и Рады приняли тогда участие в бою.

А что делал в это время командующий отрядом, полковник Покровский, против воли боевых, заслуженных старших кубанских начальников назначенный Филимоновым на эту ответственную должность?

Сам Филимонов дает такой ответ на поставленный вопрос:

> „Покровский передал руководство боем полковнику Туненбергу, а сам расположился в шалаше и проспал все время, пока шел бой... Я подошел к Эрдели и спросил его, что он думает обо всем этом и как он об'ясняет поведение Покровского. Не без смущения Эрдели сказал мне, что Покровский, в случае неудачи, намерен с небольшой группой, человек в 16, пробиться в горы и что для этого у него уже готов проводник, знающий тайные тропы. Эрдели советывал мне держаться ближе к его конвою, чтобы в нужный момент присоединиться к группе Покровского" (Там же).

Какими словами можно охарактеризовать подлую, предательскую роль на Кубани этих агентов Добровольческой армии? Воспользовавшись тем, что несчастным стечением обстоятельств на посту Кубанского Атамана оказался их сторонник, они захватили в свои руки руководство кубанскима вооруженными силами, они их расстроили и дезорганизовали, и в самый тяжелый момент для кубанского отряда, один из них, п'яный, спит в шалаше, заранее подготовив предательский побег в горы, а другой приглашает к этому побегу и своего сообщника из кубанцев, Атамана Филимонова...

Что делает после этого выборный Атаман — совесть, честь и достоинство Войска?

Что он делает с явным предателем в момент, роковой для кубанского отряда? Ведь в отряде было собрано много и людей беззащитных, доверивших свою судьбу Кубанскому Атаману — старых офицеров и стариков вообще. Разве не ясно для всякого, что за такое поведение в боевой обстановке командующий войсками подлежал немедленному, моментальному увольнению с занимаемой должности и преданию военно-полевому суду!

Глава всех вооруженных сил Кубани, Атаман Филимонов, предоставил Покровскому возможность спокойно спать далее. Когда Кубанский отряд выиграл бой и большевики бежали, Атаман Филимонов пошел к Покровскому, чтобы именем Кубани поблагодарить его за доблестное вышеописанное поведение во время боя, чтобы поблагодарить его, очевидно, и за то, что при подготовляемом побеге предателей из отряда не забыли и о Филимонове. Что факт благодарности имел место, об этом повествует сам Филимонов в той же статье „Кубанцы" следующим образом:

> „Я пошел разыскивать Покровского, который после боя вышел из шалаша и пошел вперед. Я нагнал его на месте, где только что были цепи бежавших большевиков. Поздравление мое он принял холодно... На вопрос, что он думает о приближении Корниловского раз'езда, сделал непроницаемое лицо".

Итак, сам Филимонов пишет, что сам себя считал преступником за назначение Покровского на пост командующего Кубанской Армией, что „при всяких нормальных условиях военных действий, Покровский, как командующий армией, за дело под Выселками, подлежал бы ответственности"; далее сам Филимонов сообщает, что Покровский проспал в шалаше все время жестокого боя, когда на волоске висела судьба, честь и достоинство Кубани, ибо здесь находились Атаман, Правительство и Рада; когда на волоске висела судьба 5-ти тысяч людей (кроме бойцов, в отряде было около 2-х тысяч беженцев) — кубанских патриотов-воинов, стариков и т. д.; далее сам Филимонов пишет о просто вопиющем факте — приготовлении Покровского к тайному побегу из отряда ради спасения своей шкуры... И при всех этих условиях и обстоятельствах Атаман Кубани не арестовывает Покровского, не предает его неизбежному военно-полевому суду, а сам идет разыскивать Покровского, чтобы поздравить его с победой.

А Покровский, зная прекрасно о своей роли на Кубани и в отряде, принимает это ненужное униженное и заискивающее поздравление „первого гражданина Кубани", главы Края... „холодно".

Можно ли более унизить Кубань, наконец, самого себя, как делал это Филимонов? Чувствовать себя преступником за самое назначение на пост командующего войсками Кубани случайного встречного (чужого!) и искать его, чтобы поздравить полусонного, полупьяного человека с непринадлежащей ему победой и чтобы спросить его, что он думает о приближении Корнилова...

Не о поздравлении с победой истинных ее виновников — казаков, черкесов и офицеров, не о многочисленных раненых, не о достойном погребении убитых думает Кубанский Атаман! Нет! Его высокая физически фигура с белой от старости головой движется по полю боя, чтобы найти предателя и униженно поздравить его с победой над противником, все время боя с которым поздравляемый проспал в шалаше. Да, большую победу одержал Покровский, но не над большевиками, а над выборным Кубанским Войсковым Атаманом, ставшим простой игрушкой в руках случайного летчика. Свою власть, полученную от Рады, Филимонов применял не для наказания зарвавшегося авантюриста, а для награждения его чинами. Атаман Филимонов произвел Покровского из капитанов прямо в полковники, а после того, как Покровский бой 11 марта проспал, имея на поготове небольшой отряд к побегу, его, Покровского, Кубанская власть произвела в генералы!..

Таким образом, благодаря сугубо преступной и предательской роли в отношении Кубанского Края Казачества со стороны Кубанского Войскового Атамана Филимонова, единонеделимческая организация — Добровольческая армия — имела уже своего единомышленника на весьма ответственном посту командующего Кубанскими войсками. Это обстоятельство свидетельствовало о большом достижении для строителей единой и неделимой России и явилось большой угрозой для строительства Кубанской государственности. Филимонов торжественно присягал перед старыми казачьими знаменами верно служить Кубани, а сам, добравшись до власти, подло нарушил эту присягу...

(Продолжение следует).

К проекту Большого Государственного герба Казакии.

Недавно нами были сделаны некоторые изменения в Терском и Калмыцком гербах с целью их более совершенного геральдического упорядочения („ВК" № 117). Графические изменения в названных гербах вызвали, естественно, и словесные изменения в их блазонировании.

Но так как и Терский и Калмыцкий гербы, как гербы Краевые, входят в состав проекта общего Большого Государственного герба Казакии и теснейшим образом связаны с ним конструктивно, то все изменения, проведенные в Терском и Калмыцком гербах должны быть отмечены, как в графическом начертании, так и в блазонировании общеказачьего государственного герба.

В настоящем мы и отмечаем все последовавшие геральдические изменения в проекте Большого Государственного герба Казакии, и, таким образом, представляем вниманию Казачества уже окончательно и полно выработанный проект его общего государственного герба.

При этом добавляем, что и в построении самого государственного общеказачьего герба нами сделано с той же самой целью геральдического улучшения небольшое изменение; именно: переменен порядок мест для гербов Терского, Яицкого, Астраханского и Оренбургского. В новом проекте эти четыре герба занимают свои места уже не только по ранее принятому принципу (временного) возникновения их Войск (см. „ВК" № 70), но и по еще более выразительному принципу пространственной смежности их земель с землями иных казачьих Войск. Таким образом, дается с наибольшей возможностью и точностью определить места для всех краевых казачьих гербов в окружении центрального общеказачьего герба (малый государств. герб) на основании согласованных принципов времени и „пространства". Нам кажется, что такой порядок есть наилучшим в размещении всех краевых гербов.

Изображение нового полного исправленного проекта Большого Государственного герба Казакии и помещаем в настоящем номере.

Блазонируется же герб так:

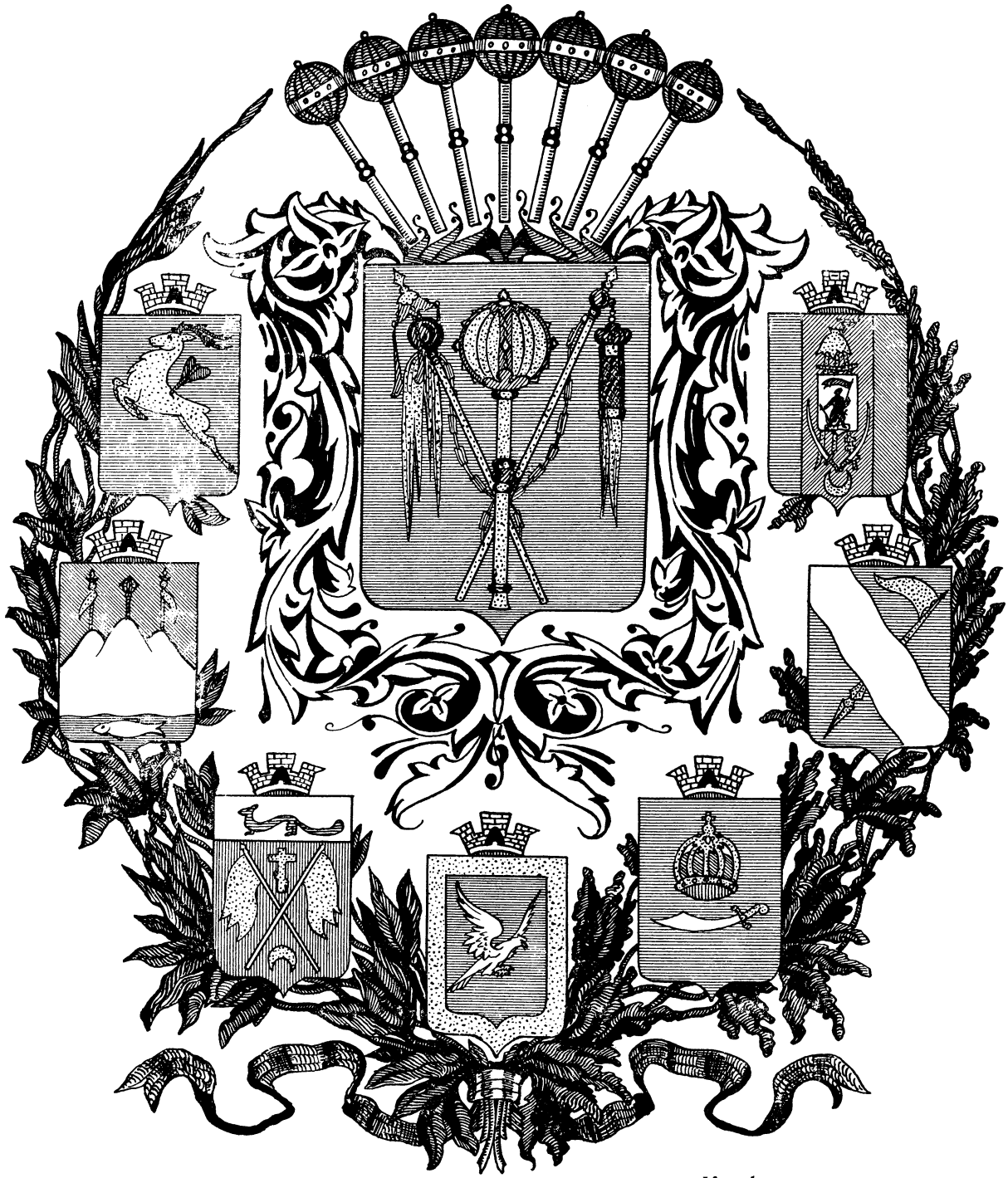
„Большой Государственный герб Казакии представляет: Союзный общий герб семью по числу Казачьих Войск краевыми гербами — донским, кубанским, яицким, терским, оренбургским, астраханским и калмыцким, соединенными венком из лавра и дуба, перевязанного трехцветной национальной казачьей лентой — окружен.

I. Главный герб: в голубом (синем) поле два золотых крестообразно поставленных бунчука старейших Казачеств — Запорожский (позже Черноморский) и Донской — эмблемы военной доблести и славы предков Казачества — с малиновыми украшениями и серебряными цепями таковою же булавою — эмблемою свободы, равенства и народоправства — с малиновыми же и серебряными украшениями — связаны; щит герба нашеломником из семи золотых булав — эмблемы равенства всех Казачьих Войск в государственном Союзе — увенчан; золотой же орнамент на подобие шеломного покрывала щит справа, слева и снизу украшает.

II. Донской герб: в голубом (синем) щите золотой скачущий степной „Елень" (олень) с глазами, копытамм и рогами червленными, таковою же стрелою в спину пронзен.

III. Кубанский герб: на голубом (синем) дважды рассеченном — малиновым в два раза шире и подобным голубому зеленым — щите средний серебряный щит с запорожцем в малиновом одеянии, с таковою же хоругвью с серебряным греческим крестом с черным древком в левой руке и с золотым мушкетом в правой руке — помещен. За щитом в малиновом поле золотая вышка под двумя серебряными запорожской и кавказской саблями, наклоненными золотыми эфесами внутрь — стоит; в оконечности щита золотой полумесяц концами вверх.

IV. Яицкий герб: в зеленом щите три серебряные горы; на них: средняя: золотая булава поставлена; на крайних золотые же бунчуки с таковыми же

Проект Большого Государственного герба Казакии.

полумесяцами концами вверх и с таковыми же остриями; в голубой оконечности щита серебряная рыба.

V. Терский герб: в голубом (синем) щите волнистая серебряная перевязь влево, за которой вправо золотое знамя на таком же древке.

VI. Оренбургский герб: в червленном щите два золотых крестообразно поставленные знамени на таковых же древках сопровождаемые шестиконечным крестом вверху и таковым же опрокинутым полумесяцем внизу; в серебряной главе щита голубая куница.

VII. Астраханский герб: в голубом (синем) щите золотая, подобная королевской. восточная с пятью дугами корона с зеленой подшивкой; под нею восточный меч с золотой рукояткой, острым концом вправо.

VIII. Калмыцкий герб: в голубом с золотой каймой щите белый кречет, символ Духа-хранителя Чингисхана, отдавая правое крыло, влево летит.

Краевые гербы областными башенными коронами увенчаны."

Чужинец.

Польское восстание 1863-го года и Казачество.

(Идея вольного казачества в XIX веке).

Начиная подготовку к восстанию 1863 года, поляки, естественно, искали себе союзников в грядущей борьбе. Этими союзниками в центре и в русских губерниях им казались, прежде всего, русские революционеры. Подобно последним, и поляки думали, что наиболее революционно настроенными окажутся в России края с казачьими традициями. Равным образом, союзниками могли оказаться и Украина, и Дон, и Черномория. В соответствии с этим, частью польских патриотов были разновременно и без к. л. определенного общего плана, сделаны попытки сговориться с русской эмиграцией в лице „Колокола" (Герцена, Огарева и Бакунина), с крупнейшим революционным обществом „Земля и Воля", и попытки не только вести пропаганду на Украине, на Дону, но и вызвать восстание на Волге. Поскольку в этих попытках был элемент ставки на Казачество, мы их и коснемся в этой главе.

Когда в период подавления восстания 1863-го года некоторые эпизоды польских попыток найти собе поддержку в разных группах российского населения становились известными правительству и печати, то — некоторые сознательно, как Катков, других же бессознательно — готовы были поверить в какой то всеоб'емлющий план, диавольскую ухищренность польской политики и т. п. Польские агитаторы, одурачивающие простодушных россиян в своих национальных целях, стали надолгого пугалом на страницах русской реакционной печати. Между тем, среди польских революционеров, и „белых" (аристократов), и „красных" (демократов), — не было никакого единства в вопросе об отношении к русским, вообще, к казачеству в частности.

Если для одних Герцен был величайшим другом польского народа, то для других поляков он был „панславистом", агентом московского правительства и т. п. Если одни думали о вольных исторических традициях казачества и не утратили романтического казакофильства, то другие видели в казаках врагов не лучше, чем русские.

В отношении украинского казачества поляками было сделано в 1863 г. (и перед ним) слишком мало, чтобы не сказать ничего. Что касается Дона, то некоторые надежды на его революционность были у поляков. Организация „белых" в Константинополе отправила в 1863 г. „подымать Дон" некоего Константина Заборовского. Это был сын поляка и русской, не говоривший по польски. Было ему 18 лет (1844 г.) и он служил в Саратове писцом уездного казначейства. В апреле 1863 г. он бежал из Саратова в Стамбул, где явился к кн. Витольду Чарторийскому и агенту Чарторийских Иордану. С паспортом турецкого подданного Я. Костанди Заборовский приехал в Одессу, откуда его русская полиция через 3 дня выслала обратно. В октябре 1863 г., набравши запрещенных изданий, снова с паспортом турецкого подданного Ив. Николо, он поехал на Дон более прямым путем — через Таганрог, но уже в Керчи был снят с парохода, посажен в тюрьму и предан суду. Власти узнали об истинном характере его миссии лишь значительно позже.[1]) Агитация на Дону была, повидимому, более личной идеей Заборовского, чем осуществлением планов „белых" поляков.

На Дону, действительно, происходили события описанные позже А. А. Карасевым, как „бунт на Дону в 1862—1863 гг.".[2]) Но это был не „бунт", а некоторое движение в среде донского дворянства, отчасти и казачьей интеллигенции, во главе коего стоял, однако, не кто иной, как ... начальник штаба Войска Донского кн. А. М. Дондуков-Корсаков. В противоположность наказному атаману Хомутову (первому атаману из невойсковых), Дондуков-Корсаков стоял за автономию Войска Донского. Когда, в конце 1861 г. военный министр Д. А. Милютин секретною запискою на имя атамана Хомутова распорядился об уничтожении особого бюджета Войска, Дондуков-Корсаков подал Александру II частную записку о Войске Донском.[3])

Он указывал на необходимость сохранить поземельное начало в Войске, замкнутость Войска и начала самоуправления. Составлению записки предшествовали совещания в доме Дондукова с видными донцами, все сочувствие коих было на стороне начальника штаба. Барсуков[4]) сообщает, что Дондуков „сбивал с толку казаков, обнадеживая их разными инсинуациями (?) и в то же время доносил в Петербург о мнимых волнениях в населении Земли войска Донского и предлагал советы свои для успокоения умов"... По словам Оома, воспитателя цесаревича Николая Александровича, в придворных кругах говорилось „о стремлении Донских казаков к автономии и даже независимости". По описанию Карасева в Новочеркасске не знали, кто кого арестует, Дондуков, опираясь на казаков, атамана или Хомутов — начальника штаба, как сепаратиста.

Сильный сочувствием донцов, Дондуков напоминал Петербургу, что „несколько веков казаки пользуются самостоятельностью, в XVII веке ... они составляли отдельное вольное общество, имевшее свои уставы, свои права, коими, на войсковых сборах или кругах, всенародною подачею голосов решались общественные вопросы и избирались войсковые атаманы..." Трудно было, пользуясь казенными терминами, напомнить яснее о былой независимости Донской республики[5]).

Офицер генерального штаба Н. И. Краснов в официальном описании Дона[6]) отметил: „в настоящее время (1862—1963) вопрос о правах и повинностях казаков составляет главнейший предмет толков, и донцы желали бы обсудить этот вопрос сами, образовав из себя собрание... Всякое же постановление помимо их заявления возбуждает в донцах неудовольствие и нелюбовь к иногородним, которых они называют „русскими", считая себя как бы отдельным народом".

Один российский путешественник через Войско Донское, в 1856 г., писал: „Аксай — станица Войска Донского, вы это сейчас заметите — и тип другой, и одежда другая: весь строй жизни, язык другой, точно и не Россия! Как это у нас странно, все какое то обособление, свои законы, управление, свои привилегии, свои уставы, а между тем это части одного цельного государства."

„И названа земля Войска Донского, точно что-то чужое, непокоренное, это вековое Русское. Эта система до добра не доведет. При государственных потрясениях отделение так облегчено..."

Тот же путник отмечал: „у казаков начинают сокращать их особенности и привилегии. Разумеется, глухой ропот: временно данные льготы превратились уже в право".[7])

Возможно, что кое-какие сведения о глухом недовольстве и ропоте на Дону доходили и до русских революционеров и до польских патриотов. Дон включался в число краев, на которые возлагались революционные надежды и теми и другими.

В первой половине декабря 1862 г. в Петербурге происходили тайные переговоры члена Народного Центрального Комитета Сигизмунда Падлевского с Центральным Народным Русским Комитетом в лице Н. Утина и А. Слепцова. Русские от имени тайного обще-

[1]) Кельсиев: „Арх. Русск. Рев.", т. XI, с. 260; Биобиблиогр. слов. т. I, ч. 2, 1928 г., с. 128.

[2]) „Ист. В.", 1900, № 9.

[3]) См. Сватиков „Россиа и Дон", с. 342—345.

[4]) Биография Погодина, т. 21, с. 61—62.

[5]) Ср. Карасев: „Ист. В."; 1901, № 2; „Русс. Стар." 1903, № 1. Генеральская борьба кончилась сперва уходом с Дона Хомутова, замененного графом Граббе, а затем и Дондукова-Корсакова.

[6]) Краснов: „Географическое и статистическое описание Земли В. Д.он.", 1863.

[7]) „Щукинский Сборник" т. I, с. 218.

ства „Земли и Воли“ откровенно об'яснили Падлевскому, что революционная организация в России только еще в начале, слаба, что... во всяком случае революция немыслима прежде мая 1863 г. Члены „Земли и Воли“ просили польских делегатов не начинать своего восстания ранее означенного времени, откровенно признаваясь, что помешают русским в их действиях, а русские не будут в состоянии подать полякам ни малейшей помощи, разве только будут стараться располагать в пользу Польши общественное мнение в России и попробуют сделать маленькое вооруженное восстание на Дону, где — будто бы — организация (т. е, партия „Земли и Воли“) была более развита, с целью помешать и разделить силы правительства“.[8]) К сожалению, ни в каких до сих пор опубликованных материалах нет данных о том, из кого же и из скольких человек состояла „Донская организация“ партии „Земля и Воля“ 1860-х годов.

В том-же 1863 г. были сделаны, по польской инициативе, приготовления к захвату революционерами гор. Казани [т. наз. „Казанский заговор“, а по существу лишь разговоры между польскими офицерами и (русскими) студентами]. Приехавший из Москвы в Казань для подготовки восстания поручик ген. штаба Черняк сообщил, что он агент революционного Комитета „Земля и Воля“, представитель части, стоящей за немедленное революционное выступление (?). На совещании с казанцами Черняк сказал: „Восстание должно начаться с Казанской губернии. Отсюда оно пойдет вниз по Волге перейдет на Урал (очевидно, Черняк хотел сказать: на р е к у Урал) и Дон, а с Дона его направят так, чтобы оно соединилось с восстанием в Польше“.[9])

На кого рассчитывали на Дону как российские радикалы, так и польские повстанцы?! Теперь это трудно сказать. Был в это время на Дону учитель Андроник С а в е л ь е в, который в 1860 г., студентом, участвовал в революционной работе и подвергся в Харькове обыску. Теперь он усиленно собирал акты по истории Войска, изданные в Новочеркасске в 1864 г. и писал историю Дона, опубликованную в 1870 г.[10]) Он вошел в местную группу историков казачества, об'единившихся в Войсковом Статистическом Комитете и писавших в „Дон. Войск. Ведомостях“ автономистские статьи (А. А. Леонов, Х. И. Попов, А. Полякова и др.). Но и сам Савельев, и донские автономисты не были революционерами.

Казачья молодежь, попадая в университеты, начинала принимать участие в студенческих делах. Так, например Яков С у л и н и П е т р о в с к и й-И л ь е н к о были арестованы в Москве по делу печатания (литографским способом) запрещенных книг (д. Заичневского). Однако, неизвестно, были-ли донцы в составе „Земли и Воли“ и были-ли они замешаны в деле восстания 1863 г. хотя бы в той слабой степени, в какой оказались замешаны в „казанский заговор 1863 г.“ астраханские казаки, студенты П. А л е е в и Алексей Яков. Щ е р б а к о в.[11])

Так или иначе надежды на восстание донского казачества не оправдались. Правда, хотя донские казачьи полки и приняли участие в подавлении восстания в Польше и на Литве (в Августовской губ. — под командой Бакланова), но нельзя позабыть, что и из их рядов вышли лица, решившие, что они не поднимут оружия против поляков. Так, были расстреляны: в январе 1864 г. донской казак Петр Р я б к и н, перешедший ранее к польским повстанцам, а в дек. 1866 г. в Варшаве, выданный австрийскими властями, казак (дворянин) Митрофан П о д х о л ю з и н. Герцен отметил в „Колоколе“, что оба донца были р а с с т р е л я н ы, хотя польских повстанцев тут же рядом в е ш а л и[12])

В мае 1864 г. был арестован на Дону отставной прапорщик Садомцев, сознавшийся, что бывал у Герцена в Лондоне. В его присутствии шли переговоры Клячко и др. поляков с Герценом. Последний упрекал поляков, что они поторопились с восстанием. Через два года русское тайное общество увеличилось бы, сейчас же оно уничтожилось из за польского восстания. Клячко сослался на Бакунина, уверившего их, что у русских большое общество. По уходе поляков Герцен с негодованием говорил о Бакунине, уверявшем, что в „Земле и Воле“ 20 генералов и 15 архиереев[13]). Не имел ли этот Садомцев отношения к подготовке к. л. выступления на Дону в связи с восстанием 1863 г.?

Так или иначе Дон остался покоен в 1863 г. Большую роль в успокоении казачества сыграл приезд на Дон цесаревича Николая Александровича, который 8 августа (1863 г.) лично явился в Войсковой Круг в Новочеркасск принять знаки атамана Войска, на самом же деле разуверить казаков, опасавшихся обращения их в крестьян. Месяцем позже (8 сент. 1863 г.) была издана Александром II торжественная подтвердительная грамота Войску о его правах и привилегиях.

Подводя итоги польским связям с казачеством, надеждам их на тогдашнее сепаратистское и автономистсое движение, нельзя не признать, что надежды эти были обмануты. Сами поляки этой эпохи, отступая от заветов Мицкевича, от традиций казакофильства, лишь в самой слабой степени уделили внимание казачеству, как элементу оппозиционному по отношению к российскому централизму. Можно даже удивляться, что поляки смогли найти сочувствие своему делу хотя-бы в отдельных лицах, так слабы были их шаги, направленные к приобретению доверия и сочувствия казачества.

1863-й год с основанием или без основания, но действительно явился гранью в истории польского казакофильства. С этой романтикой у поляков было покончено. Зато пышным цветом расцвело казакофильство среди российских радикалов 1860-1870-х годов.

---

[8]) О. Авейде „Записка о польском востании“, с. 193-194; С т е к л о в „Бакунин“ т. II, с. 200, с. 87.

[9]) „Красн. Арх.“, т. IV, с. 281; Г е р ц е н „С. соч.“, т. XVI, с. 349;

[10]) „Кат. и Ссыл.“ № 41 (1928 г. № 4) с. 138; „Грамоты. Материалы для ист. В. Дон.“, Новочеркасск, 1864; С а в е л ь е в „Трехсотлетие Войска Дон.“, Новоч. 1870.

[11]) Последний бежал в 1866 г. в Швейцарию, участвовал в револ. журнале „Народное Дело“ и с 1875 по 1880-й г. служил врачем в Чили, в Южн. Америке.

[12]) Г е р ц е н „Соб. соч“, т.оXVII, с. 73; т. X1X, с. 201.

[13]) С т е к л о в „Бакунин“, т. II, с. 100, прим.

Очередная ложь „К. К.“

Напечатанное в февральской книжке „К. К.“ (стр. 30) сообщение о том, что „за несколько дней до смерти у Б. А. Кундрюцкова произошли большие разногласия с редакцией журнала „В. К.“ — является очередной гнусной ложью редактора „К. К.“.

Продолжение той фразы: „и белградским представителем „вольных казаков“ нам совершенно непонятно, т. к. представителем ВК в Белграде был сам покойный Б. А. К.

Французская газета „La Tribune de l'Jonne“ (выходит в Sens), в номере от 16 сего марта, на первой странице перепечатала нашу передовицу из N⁰ 122 — Aux Nations du Monde entier.

С. Савельев.

Мелочи.

Русская аттестация казакам.

Некий Ант. Ладинский на страницах газеты „П. Н." (№ 4363) умиленно описывает, как он благополучно эвакуировался на английском корабле, как при этом удачном бегстве его русская душа страдала за Россию. „Вдруг берег покачнулся. Русская земля медленно поплыла назад. На глазах навертывались слезы" — такими словами он излагает свое тогдашнее переживание.

Конечно, ничего плохого нет в том, что человек, покидая родные берега, чувствовал себя неважно. Кстати сказать, покидая Родину на великолепном английском корабле со всеми комфортами, в то время, когда поносимые им ныне казаки, напрягая свои последние силы, своими телами прикрывали последние подступы и обеспечивали разным Ладинским благополучную погрузку на иностранные корабли!

Но этот господин, так сказать невзначай, счел нужным лягнуть казаков, при том с заранее обдуманным намерением решил выставить казаков в самом неблагоприятном свете, ибо такой сцены, какую он приводит для вящего поношения казаков, в жизни не могло быть ни в коем случае. Значит, он ее высосал из пальцев, чтобы „вдарить" по „казачкам" для какой то цели.

Вот что он пишет: „Где-то под Батайском, изнемогая в неравной борьбе, еще держались остатки разгромленных добровольческих дивизий. Кубанцы, нахлобучив папахи, похожие в своих черных бурках на каких-то зловещих птиц, покидали фронт".

Конечно, он благоразумно умалчивает, почему кубанцы в конце 1919 года вынуждены были покинуть фронт, какие глубокие и трагические причины, созданные русскими, породили то настроение среди казаков, когда они отказались быть в подчинении у русских распоясовшихся генералов! Конечно, ему невыгодно упоминать о той беспредельной духовной и материальной жертве, какую принесли Кубанцы в борьбе с большевиками.

Но ему и для газеты, где он пишет, по „политическому моменту" важно, чтобы у читателей создавалось определенное мнение о кубанцах. А для этого все средства хороши. От чтения же подобного рода „исторической литературы" о кубанцах может создаваться такое мнение, нужное для газеты и ее сотрудников: русские, мол, герои, добровольческие подвижники, „изнемогая в неравной борьбе", из последних сил дрались на фронте, а кубанцы — о, эти Кубанцы — „похожие... на каких-то зловещих птиц", в этот тяжелый момент бросали фронт...

Прием достаточно ловкий, чтобы не сказать больше!

А вот другое „художество" того же самого Ладинского из той же его статьи. Благополучно погрузились. Пароход тронулся. Русская земля поплыла назад. На берегу мечутся оставшиеся люди. У счастливцев, попавших на пароход, тоже на душе нехорошо. Тяжкий момент. Слезы душат всех. Одним словом, момент трагический.

„И вдруг рябой паренек в малиновой черкеске (конечно, казачек и непременно рябой! С. С.), с забинтованной ступней, вскинул руки и, глупо улыбаясь, пустился плясать лезгинку", вызвав взрыв возмущения у англичан, крики негодования у благородных русских!

Опять цель определенная, направленная против казаков. А для этого можно, ведь, придумать и невероятную, в жизни, при описанной обстановке, совершенно невозможную сцену.

А смысл этой выдумки: благородные, мол, русские, во время и с комфортом покидающие родные берега, так подавлены случившейся катастрофой „белого движения", ни о чем другом не думают, как о покидаемой Родине, горькими слезами все исходят, а вот казачки, эти животные в образе человека, лишенные всяких благородных чувств, даже в такой трагической обстановке ни о чем другом не думают, как „глупо улыбаясь, пускаться плясать лезгинку"!

Для автора статьи и для газеты, где он это пишет, совершенно неважно, что для раненого казака („забинтованная ступня"!), только что на носилках перенесенного на пароход, просто физически невозможно плясать лезгинку. Что им до правды! Им для их современной политической цели важно и нужно заставить казаков, хотя бы в воображении, плясать лезгинку при такой неподходящей обстановке —

чтобы „англичане с вытаращенными глазами уставились" на них, возмутились их дикостью, невоспитанностью,

чтобы благородные русские люди негодующе закричали — „да уймите вы этого шута горохового, стыдно перед англичанами!"

Автор статьи, выдумав такую невозможную в жизни сцену и услужливо подсказав (свое воображение выдав за действительность!), как на это реагировали „англичане", этим самым выдал — для какой цели он все это писал. А цель статьи ясна. Надо, чтобы у читателей, у „англичан", т. е. у европейцев, создалось представление о казаках, как о „каких-то зловещих птицах", как о „шутах гороховых", способных только „глупо улыбаться" и в самой неподходящей обстановке „пускаться плясать лезгинку!"

Аттестация достаточно определенная!

Ловкость газеты „ПН".

На днях горцы С. Кавказа разослали по редакциям газет подробную информацию, полученную ими с родины, о происходящих на С. Кавказе и отчасти в казачьих Краях событиях. Газета „ПН", напечатавшая эти информации на своих страницах, в своей передовой статье говорит, что они (информации) „заверены из надежного источника", заверяет своих читателей, что „известие взято из надежного источника". Одним словом, по мнению самих „ПН", все, что говорится в этой информации, есть одна голая правда.

А вот интересно, как эта газета поступила с этой голой правдой. При сличении подлинника информаци и того, что было напечатано в „ПН", обнаруживается, что эта газета нашла необходимым скрыть от своих читателей три места из этой информации, иначе — не довела до сведения своих читателей три правды.

Вот эти выброшенные места.

„Политика ликвидации „чуждого нам" (т. е. советской власти. С. С.) элемента приводит к радикальному решению казачьего вопроса. На Тереке этого вопроса уже не существует, ибо казаков на правом берегу уже в натуре нет. На Дону и Кубани власть уничтожает казаков физически".

Сообщение, заслуживающее самого серьезного к себе внимания, требующее от всех честных людей того, чтобы о нем всюду говорить, писать во всех органах печати. Ведь дело идет ни больше ни меньше, как о физическом истреблении целого народа, всего живого населения целого Края!

Но вот „ПН" сочли необходимым именно это место выбросить из этого, по их же заверению, самого достоверного сообщения. Вывод отсюда: мы, мол отлично и сами знаем, как большевики физически уничтожают ненавистного нам нам казачьего народа. Но об этом говорить не нужно, могут для большевиков возникнуть неприятности, если о них кричать. Пусть, мол, потихоньку прикончат там с казаками. Это — в интересах Великой России. Все равно мы, русские, не сварим, мол, с казаками каши!

Другое место, которое „ПН" сочли нужным выбросить из этого достоверного сообщения.

Сегодняшний идеал населения (кавказского) — „кто угодно, только не большевики". Наивно или нет, но население (кавказское) свои надежды на избавление от ненавистной власти возлагает на грядущую войну и

ждет ее; да кроме того, оно еще не потеряло надежды, что эмиграция (горская) работает на освбождение Родины и ждет результатов этой работы"... Среди горских партизан „есть лица и группы с некоторой политической программой, есть среди них и идеологи независимости Кавказа, которую они выражают: „русские, уходите с Кавказа, оставьте нас в покое".

Как видите, это выброшенное место сообщения содержит в себе целую политическую тактику („кто угодно, только не большевики", отождествляемые населением с русскими); определенный способ борьбы („ждет войны") и ясно выраженную политическую программу — „независимости Кавказа":

— „Русские, уходите с Кавказа, оставьте нас в покое".

Третье место, которое выброшено „ПН" из этого правдивого сообщения тоже интересное:

„Репрессии в последнее время на Кавказе так сильны, что времена военного коммунизма перед ними бледнеют. Об'ясняется это известное, в сравнении с Центральной Россией, активностью населения Кавказа. Активность эта, как указано выше, выражается всеми способами: частыми восстаниями в разных районах, убийствами отдельных видных работников коммунистов и действиями партизанских шаек: сами российские коммунисты, приезжающие на Кавказ по делам, заявляют, что если бы в России и вообще в центрах было населением проявлено такое сопротивление соввласти, как на С.-Кавказе, то власть была бы ликвидирована".

Конечно, „ПН", выбрасывая это место сообщения, поступили, с своей точки зрения, разумно, ибо оно свидетельствует о том, что русский народ не вел и не ведет борьбы с советской властью, с большевиками, а такая борьба велась и ведется только на „окрайнах", не-русскими народами, что, конечно, совсем неинтересно для русских.

Сами российские коммунисты признают, что если бы русский народ так стал бы бороться с ними, как „окрайнные„ народы, то им давно бы несдобровать. Но, к их, большевиков, счастью, „там" русский народ с ними не желает бороться, а здесь, в эмиграции, они имеют опытных „попутчиков" в лице работников из „ПН".

Наконец, и в напечатанной части сообщения, в одном абзаце газета „ПН" выбросила одну маленькую, но очень много говорящую фразу.

В информации есть место, описывающее жизнь в аулах, теперь превращенных в „колхозные единицы", где командуют так называемые „бригадиры". В информации мы читаем; „Ежедневно утром, в определенный час, бригадир, всегда или комсомолец или коммунист — чаще всего русский — с одним наганом в руке, а другой — за поясом, обходит свою бригаду и выгоняет всех мужчин, женщин" и т. д.

А „ПН" с самым невинным видом выбросили подчеркнутую мною фразу — „чаще всего русский" —от чего изменился и смысл предложения: не русские, мол, издеваются над несчастными горцами, загнанными с наганом в руках в колхозы, а коммунисты, может быть даже из среды самих горцев...

Нужно отдать справедливость „ПН" — очень умная газета и ведется она еще более ловкими людьми: в редакцию может поступать материал из самых достоверных источников, как в данном случае, как уверяет сама газета, говорящий об одном, а после работы редакционных „операторов", оттуда может выйти совершенно иной материал.

Ловкость рук и „гибкость" совести — многое могут сделать!

Думы и мысли.

Родной Край.

Станица, Войско, Казачество! Вся жизнь казака связана с этими родными словами. Это, ведь, мы! А что мы за люди, если не будем любить свой народ и свою Родину! Думается, что каждый из нас, как бы по наследству, получил привязанность к этим родным словам, да и не только привязанность, а нечто гораздо глубже и сильнее чувствуешь, когда мысленно переносишься в Родимый Край, где ковыль растет, где лес шумит и степная ширь наполнена ароматом цветов.

Нужно признаться, что когда мы жили дома в родных станицах, мы это чувство любви к Родимому Краю ощущали будто бы не так уж остро. Нам все казалось спокойным, нормальным, а вокруг тебя было все такое родное... И потому, может быть, любовь к Родимому Краю не проявлялась так резко. Многие умирали, не проявив к окружающему особого внимания, и только теперь, когда мы оторвались от этого родного, любовь в нас проснулась и усилилась во много раз.

Да и как не любить тебя, родная станица! Там ты родился, там протекла твоя юность, детство, там ты работал, а иногда и веселился, забывая все жизненные тяготы. Так протекала жизнь... Потом служба, война, слезы, кровь...

Теперь все это кажется давно прошедшим сном... Скитаясь по разным странам света в погоне за куском хлеба, невольно вспоминаешь:

„А на сердце так грустно, тоскливо,
Мы окутаны долею злой....
Но волнуются мысли бурливо —
За Волю и Край дорогой."

Да, несмотря на все невзгоды жизни, волнуются мысли бурливо — за Волю и Край дорогой. Жива казачья душа. Крепка она, как скала, и стойко выдерживает все удары судьбы.

Чем же об'яснить это постоянство казачьей души? А тем, что слишком могучи были те источники в прошлом, которые питали ее. Когда же на Казачество надвигались с севера темные тучи, стихийно порывалась она и пламенем возмущения горела в груди Атамана Булавина, Разина и Пугачева. Тогда падали цепи рабства и лилась кровь тиранов...

Казачья вековая сущность, — свобода и равенство, -- выражается в Кругах и Радах и выборных Атаманах. Эта сущность передавалась с молоком матери ребенку, оставалась до гроба и, как самое ценное, передавалось изпоколения в поколение. Этим об'ясняется то, что казаки после революции не растерялись и быстро восстановили свой государственный порядок.

Здесь, на чужбине, душа казака томится. Она стремится туда, к Родимому Краю. Ищет подвига, который бы приблизил час освобождения Родины...

Мы верим, что враг, захвативший наши Края, будет сокрушен и изгнан, а наша Родина будет процветать и казаки с полным правом смогут запеть свою песню:

„Мы счастье казачьей Свободы
Добыли среди ураганов —
Имеют казачьи народы
Круги, Войсковых Атаманов".

Эти мысли о прошлом не оставляют нас ни здесь, в эмиграции, ни там — в Родимых Краях, где народ казачий стонет под игом коммунизма. Казак мысленно вернется в Оренбургские станицы, к широким степям... И снова тоска, снова горе, ибо — только одни воспоминания и нет возможности в действительности увидеть их. Вспоминаешь аромат родной степи, ковыль, цветы и, как золотое море, пшеницу, овес, ячмень... Степь родная, как ты хороша! Грусть и тоска — теперешние наши спутники, ибо все нам родное, как сон, как сказка, ушло и не знаешь, когда вернется.

Помню, по обширному пастбищу, около станицы, проходят табуны скота, а вдали мчатся табуны коней к водопою, подгоняемые верховыми. И от этого скота и лошадей, как живое море, волнуется степь. Тут же, на выгоне, казачки, распустив свои длинные косы, с ребятами, поджидая коров и овец, звонкими голосами поют песни, веселя своих отцов и матерей.

Садится солнце. Кузнечики поднимают свой треск, в траве перекликается деркач с перепелкой и все это сливается в один хор, который утихает только поздно ночью, а чуть свет снова просыпается этот мир... Пробуждается степь...

Темной лентой пролег по степи Войсковой лес. Величаво стоят березы, распустили свои нежные листья и, смешавшись с соседкой осиной, разросшись в сплошную площадь в несколько тысяч десятин, расширяясь и суживаясь, уходят в даль, оставляя между собой громадные ковыльные поляны для пахоты и сенокоса.

На песчанниках, занимая также большое пространство, пролег красный лес, где преобладает порода сосны и лиственницы разной величины, доходя в вышину до сорока аршин.

Прохлада, смоляной здоровый воздух, здесь правильные лесосеки разбиты на делянки, лес строевой, предназначенный для продажи населению. Слышен вдали мерный стук топора, а дятел сбоку дерева, добывая себе пищу, стучит втакт топору. Смотришь, пробежала мимо дикая коза с двумя козлятами, а заяц, перепугавшись последних, скачет чуть не на тебя. А тетерева? Дрожь пробегает по телу при воспоминании об этой птице. Кто из вас, станичники, охотник, тот знает это чувство, когда сидишь в балагашке на полосе, на перелетах под деревом или у воды (куда они летают пить) с чучелами, — какое вы испытываете наслаждение и азарт! Видишь, сели несколько штук, сердце забилось так, что даже мушка прыгает...

Но ведь есть охотники до ягод и грибов, которые здесь растут в изобилии: вишня, клубника, черемуха, калина и др. Хмель собирай, сколько хочешь. а грузди растут целыми мостами под опавшей листвой.

Дальше все гуще и непроницаемей лес и, хотя не видишь, знаешь, что где то близко есть и царь наших лесов серый волк или пушистая лисица, опустошающая тетеревиные и пр. гнезда.

Выезжаете на поляну-кордон. Здесь лесник-казак, а вблизи домики и землянки, в них живут бедные казаки и башкиры. Они гонят деготь, смолу и делают деревяный уголь... Все это ярко, до мелочей, до последней попробности вспоминается теперь.

Ну, а реки и озера? Хотя они у нас и небольшие, но зато близки и дороги нам. Хватало нам и того, что давали они нам. В них можно было найти и щуку, и окуня, и карася, чебака, линя и др. Крупную то кушали наши братья уральцы, а мы налегали больше на баранину...

Все это наше, казачье. Свои Родимые Края мы можем сравнить с полной до краев чашей. Это они вспоили и вскормили могучих физически и духовно богатырей, стяжавших славу Казачеству.

А теперь? Тяжело подумать! Пришельцы с севера грабят наш Край, истязают наших братьев, а нам здесь в удел достались лишь воспоминанья...

Но, нет! Пробьет тот час, когда мы увидим свою Родину опять, и больше, чем раньше, и сознательнее будем ее любить...

(Харбин). Ив. Константинов.

Будем делать свое казачье дело.

Г-н Редактор!

Не откажите поместить на страницах журнала „В. К.“ мое письмо, в котором я хочу поделиться со своими братьями казаками тем, чем болит мое сердце.

„Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих.“

Ев. Иоанна, гл. 15, ст. 13.

Дорогие братья, мы будем разсуждать по человечески и мы не должны забывать, кто наши друзья. Друзья наши те, кто любит нас или даже те друзья, кто делает вид друзей и не позволяет так или иначе вредить нашему благополучию. Но когда идут на нас открыто нахрапом и начинают нас убивать, вешать и разорять, то это уже нам не друзья, а враги и враги непримиримые. Господь не сказал, что нет больше той любви, как если кто положит душу свою за врагов своих. Так. Он этого не сказал.

От нас в данный момент не требуется наших жизней, а только одно наше казачье единение и тем мы уже совершим подвиг ради спасения наших родных и близких. Ведь при военной обстановке нам напоминались слова, кажется из устава, что „в бою сам погибай, но товарища выручай“. Сейчас мы находимся не на поле брани, а живем в мирной обстановке среди европейского цивилизованного народа; вот именно здесь и теперь только мы, казаки, можем совершить свой подвиг, не подвергая себя даже опасности, которая могла бы угрожать нам смертью, ради своих кровных родных.

Трудно нашему брату, простому казаку, узнать мысли и психологию людей, среди которых нам приходилось или приходится вращаться. Дело это легче дается ученому человеку с детства и до старости лет. Так например. Разве Донской Атаман ген. Богаевский плохо изучил психологию русского народа, начиная от царя и кончая мужиком? Он, даже уйдя в эмиграцию и прожив здесь шесть лет, и тогда не мог забыть того, что им усвоенно за время пребывания своего в русских учебных заведениях и за время своей службы в царской свите в Петербурге. Он в обращении к казакам в 1926 г. писал: „Помните, что нас, казаков, никто не любит: ни русский народ... ни те, кто всегда смотрел на нас, как на нечто низшее, плохо воспитанное, грубое, кому нужно только „приказывать“... Не любят нас, хорошо помнят все темное в прошлом и охотно забывают все доброе, что казаки сделали для России... Пусть нас не любят: это нас мало беспокоит: насильно мил не будешь! Мы не умели подлаживаться и были слишком горды именем вольного казака, никогда не знавшего рабства“.

Что это, сон рассказывается? Нет, братцы. Ведь это истину сказал Богаевский! Разве, когда он писал это казакам, то не знал, что пишет? Знал отлично. Он хорошо изучил психологию русского народа.

Чувствовали и мы, казаки, что не любит нас русский народ. Поэтому и образовывали свои чисто казачьи станицы и хутора даже заграницей.

Будучи в Югославии на постройте шоссе от Корбевца до Босильграда, я находился в составе Кубанской казачьей дивизи. Когда окончили постройку шоссе, то мы (т. е. 2-я Лин. сотня 1-го Сводно-Кубан. полка) прибыли в год. Кральево, где проживал Кубанский Атам. ген. Науменко. Это дело было в мае мес. 1925 г. И вот в Кральево мы впервые увидели атамана местной казачьей станицы полк. Петровского, который ходил везде и всюду в полном казачьем обмундировании: в белой папахе, в черкеске, в сапогах и при кинжале. Я лично был восхищен таким явлением; заграницей и — станичный атаман. Мне кажется, что и ген. Науменко мило было видеть своего представителя от казачьей станицы...

Первое время казакам из части (т. е. из дивизии) не рекомендовалось вступать в станицы или колонии, но с течением времени мы все-же примкнули к местной казачьей станице. Полковника Петровского на должности станичного атамана уже не было. Тут не без ведома опять таки Куб. Атамана ген. Науменко нам было сказано: образовать станицу, выбрать атамана, писаря и др. лиц. Собрались мы, казаки, в здании „Основной школы“ и выбрали себе должностных лиц в правление казачьей станицы...

Так начиналась казачья жизнь заграницей, так она продолжается и до сего времени. В Кральево и сейчас кажется существуют две организации: одна казачья, а другая русская. А почему это так и для чего? Да потому, что так нравится Кубанскому Атаману и казакам и для того, чтобы ничего общего не иметь с русской организацией. Правда, за это русские эмигранты на нас смотрели враждебно, но Кубанский Атаман и казаки „чихали“ на это. Мы, казаки, делали свое дело и больше ничего.

Так вот дорогие братья, мы всегда воспринимали и воспринимаем от высокообразованных людей то, что нам мило и дорого. Разве мы, казаки, шли куда либо

или делали что либо очертя голову? Никогда. Так и в данном случае мы поступаем.

Образовавшееся вольноказачье движение идет своим Казачьим путем. Оно не ошибается, когда творит то, что нам нравится, и оно нам дорого. Разве противно для нас слушать было правду, сказанную ген. Богаевским? Разве противно для нас было то, что ген. Науменко начал строить чисто казачью жизнь? (еще до нашего прихода в Кральево). Нет, нам все это по душе. Так почему-же они теперь обрушились на вольноказачье движение? Разве потому: что теперь только русский народ полюбил его одного ген. Богаевского и что теперь только признал ген. Науменко вредным чисто казачью жизнь?

Помилуйте, господа генералы; вами сказано громко и ясно, какой взгляд русского народа на казаков и делалось вами казачье дело до появления на свет Божий вольно-казачьего движения, — это всем известно и видно. Тогда вы так-же громко об'явите что нас, казаков, теперь русский народ полюбил и смотрит на нас, как на нечто высоковоспитанное, что не нужно нам приказывать. Любят нас, забыли все темное в прошлом и со слезами на глазах вспоминают все доброе, что казаки сделали для России. И что теперь мы уже умеем подлаживаться и не будем слишком горды именем вольного казака, а знаем только свое рабство; образуйте совместную жизнь и образ правления с русскими колониями по городам и селам эмигрантского рассеяния. Тогда казаки, быть может, станут в ваши ряды и русский народ забудет все ваши громкие слова и действия.

Не сделай вы этого, — русский народ не забудет того и скоро ли или не скоро, он все равно напомнит вам, что вы писали и что делали и не постесняется выбить вам „бубну“ на спине...

Пока же мы — вольные казаки и не желаем рабства. Живем чисто казачьей жизнью, не примазываемся ни к кому и не стремимся наложить ярмо на шею другому народу.

За свои слова и действия теперь, каждый из нас в будущем даст ответ перед лицом всего Казачества.

Если будет борьба, то будем бороться только за свой народ, за свой порог и угол.

От своих слов и действий генералы Богаевский и Науменко, я думаю, никогда не откажутся, ибо они делали свое дело с полным сознанием того, что подсказывала им совесть.

Признавая идею В. К. святой, мы, казаки, обязаны выполнить заповедь Христа. Долг наш — спасти погибающих своих уже не друзей, а родных отцов, матерей, братьев, сестер, жен и детей.

Заблуждения в вольно-казачьем движении нет. Заблудились кто то другие и мы их уже знаем, лишний раз напоминать о них здесь нет надобности; за них сказано громко и ясно г. Мельниковым 2-го апреля прошлого года в Коломбель (Франция) так: „Впереди ничего хорошего не видно, так сказать царит полная темнота. В этом отношении мы б а н к р о т ы“... (Журнал „В. К.“ № 103). Как можно продолжать нам с ними такой путь?..

Лучше будем делать свое казачье дело и если спасем от окончательной гибели своих близких, тогда наша совесть будет чиста, а иначе нам будет стыдно показаться на их глаза.

(Бельгия). **Н. Боровлев.**

Вл. Куртин.

Борису Кундрюцкову.

Умерли... Умерли...
Умер Фролов. Умер Гончаров. Умер Кундрюцков...

Один за другим... Как-то уж слишком поспешно умирают представители той казачьей генерации, которая как раз и должна

Жить!

Жить, чтобы дать Надежду, Освобождение и Жизнь порабощенной

Родине.

Жить!.. А они — умирают...

„Молокососы“...

„Недоучки“ голутвенные!.. Даже и тут, в вопросе смерти, с линией старшинства по Войску не считаются.

Мальчишки!..

Брызнули лучами таланта. Обнажили свое юное факел-сердце.

И — сгорели.

Юнцы летами. Старцы — страданием...

Умерли — не знавшие служилого рабства, рожденные на кровавой заре трагичнейшей эпохи Казачества.

Старшие братья их, безусая, гиковая молодежь хоть в опьянении боем с врагом — сладость свободы узрели. Хоть раз, единственный раз, но — поцеловали

Любимую

И — на Ее глазах — пружинные, гордые и сильные с песнями бросились в бой...

Чтобы — победить!

И — погибли...

С несмолкнувшей еще песней Свободы...

А эти — эти даже и первого признания не успели сказать.

Успели только — полюбить.

А полюбив, умерли...

Будто:

„Родом мы от бедных аз'ров:
Полюбив, мы умираем...“

Уходят младшие между меньшими. Первые между первыми.

Гаснут огни жертвенные. Горели. Освещали сокровеннейшие кутки пришибленной совести своих батьків і дядьків... Пели. И в песнях учили старших:

Свободу любить.

Пели. И в песнях их воскресала чудеснейшая Сказка-Быль древней Вольно-Казачьей жизни.

Далеко от родных степей, далеко от прадедовских дней — жили жизнью степи, жизнью своих предков в степи... В мире Вольно-Казачьей Вольницы. С Вольно-Казачьей Вольницей.

Пели. Пока:

— „Крысы с'ели корки,
Люди с'ели солнце...

Гордые Мцыри, они не могли вынести беспозвоночной, пустосердечной эмигрантской современности и — угасли.

Как гаснут свечи в глубоких степных колодцах.

В душе — Степь. Стихия. Голутвенная Вольница, а сами втиснуты в

тесные коморки,
узкие оконца...

Умер Борис Кундрюцков. Донской поэт. Такой тихий на вид. Как и его Дон. И — с такою-же потенциальною силою, как и его Тихий Дон...

— Ну зачем он умер?.. Спрашиваю сам себя с тоскою и болью. Сердцем спрашиваю. А разум отвечает:

— Овсянная каша, которой он питался, и бессердечная, недостойная травля, которой его питали дядьки и „посаженные“ батьки... Какое-же это г'риво для его молодого сердца?...

Ну и горел, пока не сгорела последняя капля крови...

Недавно еще спрашивал:

— Слышишь ли ты нас, батько? И услыхал батька:

— „Эге... чую... Тільки оробів...

Так, под это „оробів“ и умер.

С усмешкой горькою...

. . . . . .

Вспомнил старую русскую „эсеровскую“ песню:

— „Не рыдай так безумно над ним:
Хорошо умереть молодым...

Хорошо-то оно, хорошо... Но — откуда-же у нас взяться стольким — молодым? Да еще т а к и м?..

Там — убивают. Тут — умирают...

Ну, зачем ты умер, Борис Кундрюцков?..

Памяти Б. А. Кундрюцкова.

18 сего марта, в 7 ч. вечера, в отеле „Graf", состоялось устроенное редакцией „В. К." собрание памяти покойного своего ближайшего сотрудника, вольного казака, поэта Бориса Александровича Кундрюцкова, скончавшегося 15 февраля с. г. в Белграде.

Краткое вступительное слово сказал редактор „В. К." И. Билый:

Еще один. Уходят молодые, талантливые... Что это — „случайность", или — жертва казачья своему трагическому настоящему? — Так или иначе, Казачество не смеет терять своих молодых сил накануне самого ответственного своего исторического момента, накануне решения всего казачьего будущего! — тем более тех, кто в авангарде кует это будущее в сердце и сознании казачьем... Рано начала нести потери рождающаяся казачья национальная интеллигенция.

Сейчас ушел от нас Борис Александрович Кундрюцков. Ушел таким молодым. Ушел, когда его литературный талант только начал расцветать во всей силе одаренного человеческого духа, так мощно проникнутого элементами казачьего национального самосознания, казачьего долга и жившего страстным желанием отдать все свои духовные и физические силы интересам и счастью своего народа. И даже в свой предсмертный час он не изменил себе, не изменил тому, чему посвятил свою короткую жизнь: последние слова Бориса Александровича и последняя его молитва перед тем, как он впал в агонию, были о Казачестве. Чувствуя, что заболевает, он, рыдая, просил Бога: „Боже, спаси Казачество!" (подлинные слова).

Тяжелая потеря. И не знаю я, сможем ли мы так скоро возместить ее — искра Божия, которая была у Б. А., не каждому дается.

Ушел от нас горячий патриот Казачества, ушел в. казак, всеми силами души своей преданный казачьему делу, служивший ему, болевший его скорбями, горевший и — перегоревший! Ушел казак-поэт, посвятивший все свое пламенное творчество своему народу, своему Дону, — всему Казачеству.

Смерть Б. А. не только большая потеря, это потеря, которую мы только еще ощутим, только позже мы увидим, как и насколько мы с его смертью обеднели... Разве много у нас, казаков, тех, для кого весь мир сходится и ограничивается Казачеством, его историческою судьбою, его настоящим и будущим! — А Б. А. принадлежал именно к тем фанатикам-националистам, весь мир которых укладывался в казачьем мире...

Пусть же будет легка ему чужая земля, склоним перед его светлой памятью свои головы (все встают) и, подхватив все то богатое духовное наследство, которое оставил нам покойный певец В. Казачества, понесем его с собою дальше по намеченному нами с ним пути, не растрачивая, не закапывая в землю его достояния, а храня, лелея и приумножая, вбирая в себя растущие казачьи силы — пойдем к конечному торжеству Казачьих Идеалов.

Я глубоко верю, что придет то время, когда Казачество, освободившись, взяв свою судьбу в свои руки и строя свое светлое будущее, оглянется и на тех, кто в свое время в тяжких эмигрантских условиях не склонил своей головы перед безнадежностью, а, охваченный глубокой верой в правоту своего дела, дерзнул бросить вызов судьбе, чтобы в тяжкие времена ставить вехи-светильники на крестном историческом пути своего народа. И я ни одной минуты не сомневаюсь, что в первых рядах борцов за свое возрождение Казачество поставит и покойного Бориса Александровича Кундрюцкова...

— Вторым говорил К. К. Поляков о творчестве Б. А. Кундрюцкова. Речь эта будет напечатана в следующем номере.

— Т. М. Стариков: Известие о смерти Бориса Александровича поразило нас своей неожиданностью, роковой своей преждевременностью. Оно произвело на нас тяжкое впечатление.

Да, для нас, вольных казаков, смерть Бориса Александровича есть далеко не обычное явление. Он слишком дорог нам и всему нашему движению. Он был действительно певец Вольного Казачества, как его называли. Он горел идеей освобождения казаков от страшного ярма, от невиданных мучений и страданий. Чуткие натуры, такие, как Борис Александрович, не могли и не могут без душевной боли, без тяжких страданий представлять себе того ужаса, который совершается ныне там в наших родных Краях...

Е. Г. Кундрюцкова с сыном.

Борис Александрович пел о Казачестве, он горел, творил, делал. Уже по своему темпераменту он не мог быть спокойным и всегда и всюду искал дела, которое хоть в какой нибудь степени способствовало бы распространению и укреплению казачьих освободительных идей. Весьма впечатлительный, он живо и горячо реагировал на каждый наш успех, равно как каждая неудача, каждое хотя бы и небольшое осложнение в нашей работе его чрезвычайно волновали.

Особенно тяжело сознавать, что погибла молодая, даровитая, одухотвореная натура, погиб молодой человек, так много давший, а еще более обещавший... Смерть беспощадно сразила его в тот момент, когда он только что достигал расцвета своих творческих сил, эти силы только подходили к той высоте, которая обеспечивалась Борису Александровичу и его недюжинным талантом, его особо чуткой природой и его душевной структурой. Творчество его уже и теперь удивляло читателей глубиной мысли, четкостью, образностью изложения. В нем мы потеряли молодой, яркий в нашей среде талант.

Тяжело сознавать, что смерть выхватывает из наших рядов вот такие молодые, особенно нужные силы. Умерли такие одаренные люди, как Михаил Федорович Фролов, Юрий Гончаров.

Нам говорят, что Вольное Казачество есть явление искусственно созданное, что его идея является сухой, абстрактной теорией, ничего общего не имеющей с казачьими настроениями, с их идеалами, надеждами, чаяниями. Этому противоречили и (вместе с другими данными) противоречат наши поэты. Своими поэтическими творениями они доказывали и доказывают, что идеи В. К. лежат далеко глубже каких либо умозрительных построений, что они заложены в самом существе казаков, в их природе, в их душе. Вот почему для нас так тяжела смерть еще одного отмеченного Богом таланта.

Мир же его праху! Пусть имя его навсегда останется с нами, пусть оно будет будителем казачьих сердец, зовет их на борьбу за лучшую долю Казачества,

за его волю, счастье и свободу, пусть оно навеки останется в памяти освобожденного и возрожденного Казачества!

— Др. С. У. Степанов говорит от имени калмыков: В лице покойного донского поэта Б. А. Кундрюцкова мы, калмыки, потеряли лучшего своего друга. Он не был другом того или иного калмыка персонально, а был другом общим. Среди белградских калмыков Борис Александрович был своим человеком. Он не только часто общался с ними, но познакомился с языком, отчасти письмом, и принимал близкое участие во всех общественных делах колонии.

В те дни, когда мы населяли целый богатый округ и были у нас табуны и стада, было у калмыков и много друзей, которые охотно от нас принимали различные подарки, начиная от традиционных баранов до оседланных коней включительно. То были друзья счастливых дней. Теперь же, когда мы нищими рассеяны по Европе, мало у нас друзей. Вольно-казачья семья в этом отношенир составляет исключение и Борис Александрович в этой семье по отношению к калмыкам занимал особое, интимно близкое место. Он стал нашим другом в наши черные дни. Вот почему мы, калмыки — вольные казаки, особенно горестно переживаем преждевременную смерть молодого друга Бориса Александровича.

По буддийской философии человек есть сочетание пяти чувств. Соединение их есть рождение; разложение их — смерть. Со смертью же кончается все и от человека остаются только дела его. Борис Александрович несмотря, на свою раннюю смерть, оставил дела и в них он будет жить с нами. Есть в этих делах и доказательства дружбы его к калмыцкому народу...

— П. Л. Макаренко в довшій промові підкреслює велику втрату, яку понесло В. К. з смертію небіжчика Б. А. Кундрюцкова, та доводить необхідність видання окремою книгою его творів, щоб козацтво не забувало своїх поетів...

— Инж. Балахнин резкими мазками делит казачью историю на периоды-картины: первый — яркий, летний, благоухающий день: полная свобода и независимость старой казачьей истории; второй — закатилось солнце, спустились на землю сумерки — период утраты самостоятельности; третий — наступила ночь: Казачество потеряло последние остатки автономии; и, наконец, современная глухая тьма... Но, чем ночь темней, тем ярче звезды. Такие звезды были и на Дону. К ним принадлежали наши литературные силы: Федор Крюков, Роман Кумов и др. В эмиграции светили нам такие яркие в нашей среде звезды, как покойный Юрий Гончаров и ныне скончавшийся Борис Кундрюцков...

Инж. Балахнин тоже хотел бы, чтобы произведения покойного поэта-казака были в отдельном издании сохранены для будущих казачьих поколений.

— Закрывая собрание, И. А. Билый высказывает искреннее пожелание, чтобы вольным казакам приходилось как можно реже собираться на траурные заседания...

Не клевещите на мертвого!

Станичник редактор!

Будьте добры поместить в Вашем журнале „В. К." следущее мое письмо г. редактоу „Кавказского Казака", посланное мною ему 18 сего марта (заказным письмом) в ответ на его гнусную заметку в февральском номере его журнала:

„Милостивый Государь, г-н редактор.

В № 2 (116) за февраль м-ц 1933 года издаваемой вами информации „Кавк. Казак" на стр. 31 под заголовком „К смерти Бориса А. Кундрюцкова" вами допущен целый ряд лживых догадок, которые благоволите в следующем же номере, на том же месте и тем же шрифтом на основании Закона о печати (§ 26 от 6 августа 1928 года и дополнений) исправить:

1. Мне, как жене покойного, известен каждый шаг в его политической работе и я заявляю, что никаких разногласий между ним и редакцией журнала „Вольное Казачество" и местным В.-Казачьим возглавлением не было.

2. Никакого нервного потрясения мой покойный муж не переживал на основании какого-то „разочарования", а его нервное расстройство было вызвано внезапной тяжелой почечной болезнью и физическим переутомлением, что и привело в заблуждение „близко стоящих лиц", чьи информации, неточно передоваемые из уст в уста, и вызвали ряд ложных слухов, так охотно вами подхваченных.

3. Попытки примирения с некоторыми лицами, которых мой муж считал чем либо им обиженными, — были действительно сделаны, но исключительно из религиозных побуждений, которые у него были особенно остры в предчувствии близкой смерти. Эти попытки, конечно, не носили политического характера, а тем более характера раскаяния в вере в идею Вольного Казачества, ибо для нее он жил и за нее молясь умер.

4. Что же касается Н. Ф. Букина, я на похоронах речи не слышала и не помню, но верю, что Н. Ф. Букин даст вам, г. редактор, достойный ответ.

Примите и проч. Елена Кундрюцкова".

Уважающая Вас **Елена Кундрюцкова**.

Вынужденное выступление.

М. Г., г-н Редактор, не откажите в любезности на страницах нашего журнала поместить настоящее мое письмо. Между прочим, наперед хочу заметить, что я всегда был противником какой бы то ни было ругани между казаками, но... ведь есть „казаки" и казаки. Первые, не имея никаких уже средств для борьбы с истинным Казачеством, прибегают к таким методам борьбы, как напр.: выдумывание „писем он повстанцев с Кубани" и подтверждение таковых в приказе, ссылающемся на это „письмо", или еще лучше: гнусная ложь о покойнике — человеке, им уже безопасном — Б. А. Кундрюцкове. Воображаю, если бы наши „доброжелатели" действительно имели бы здесь власть, так их политика в отношении казаков ничем бы не отличалась от политики большевиков. Дело в том, что в „Кавказском Казаке" за февраль 1933 на стр. 30 помещена заметка: „К смерти Бориса А. Кундрюцкова". Автор ее, конечно, ни кто иной как сам редактор. Чтобы познакомить читателей нашего журнала с этой заметкой, я беру на себя смелость просить поместить ее здесь же:

„15 февраля в Державной больнице в Белграде скончался казак Д. В. Б. А. Кундрюцков, 29 лет, один из сотрудников „Вольного Казачества".

Внезапная кончина эта вызвала много толков. Близко стоявшие к покойному лица передают, что за несколько дней до смерти у Б. А. Кундрюцкова произошли большие разногласия с редакцией журнала „В. К." и белградским представителем „вольных казаков". Это так подействовало на покойного и так разочаровало его, что он пережил нервное потрясение и решил отойти от „вольного казачества". В этих целях накануне поступления в больницу Б. А. Кундрюцков сделал несколько попыток к возобновлению связей с людьми, борящимися с разлагающей пропагандой „В. К.". Характерным подтверждением ухода Кундрюцкова от „вольных казаков" служит также надгробная речь Н.

Букина, в которой совершенно не было упомянуто о вольном казачестве.

В лице Б. А. Кундрюцкова сошел в могилу один из заметных сотрудников „В. К.“.

— Теперь несколько слов о болезни покойного Б. А. и о кое-чем другом.

Б. А. уже давно страдал болезнью почек. Мы все это знали, но существенной помощи, за исключением советов, дать ему не могли. И только раз П. С. Поляков водил Б. А. на осмотр к своему знакомому доктору. Последний, после долгого и тщательного осмотра и выслушивания, оставшись наедине с П. С. П., сказал ему: „Ваш коллега может плохим кончить. Надо обратить серьезное внимание на почки“. За отсутствием средств, надлежащего курса лечения провести, конечно, было невозможно.

Еще в прошлом году, страдая от болей, Б. А. говорил своей жене: „Знаешь, Лена, я числа 12 (в феврале прошлого года) наверное умру. Чувствую, что сил нет“. Значит, таковы были страдания нашего дорогого соратника, что он уже сам считал свои дни. Но Божьей милостью Б. А. тогда выздоровел. И все же, выздоровев, он чувствовал, что это не все, что это временное затишье. Организм его был настолько подорван уже, что он тогда же, в феврале прошлого года, сказал своей жене: „А все-таки, Лена, в будущем году в это время я умру“.

Так передает сама супруга нашего покойного поэта, Елена Григорьевна.

В этом году болезнь Б. А. настолько обострилась, что он, иногда, между прочим, в разговоре, сожалел о недолговечности. „Сколько-бы можно было сделать еще полезного... трудишься, бьешься и... вдруг завтра конец... и ты не увидишь того, к чему стремишься“... — К чему ты это говоришь, Борис, — обращаюсь я к нему. „Да так, ни к чему“... После долгого молчания Борис А. добавляет: „Плохой я жилец“...

А все же сколько у него было энергии и желания работать на пользу родного Казачьего Народа! Ведь сердце еще так сильно билось, но... был другой, не менее важный, орган — почки.

Последние месяцы Б. А. ужасно выглядел. Страшно похудел, был бледен, сгорбился и во взгляде такая усталость и безжизненность. „Едва иду: такая слабость... Иду и думаю: упаду, вот сейчас, и не поднимусь“, — так говорил Б. А., зайдя по дороге ко мне как-то этой зимой после разноски молока. А за неделю до смерти Б. А. уже определенно чувствовал свой конец. Говорил, что на днях умрет, для чего, специально выкупался и одел чистое белье.

Отличаясь религиозностью в большой степени, Б. А. проявил ее особенно перед смертью. Последние дни он особенно молился и подолгу. Главной молитвой его была молитва за Казачество. Он просил у Бога его спасения и осуществления идеи Вольного Казачества. И напрасно, г. Соламахин, вы будете думать, что в счет Казачества входили Вы и Вам подобные. Таковых Б. А. у себя давно вычеркнул из казаков. О всех „Соламахиных“, вообще говоря, Б. А. даже последнее время говорил: „Русские казаки пусть находят общее с русскими. Что они лезут к нам и льстят, когда на самом деле не с нами, а против нас“, — так говорил покойный перед смертью о двух казаках, ведущих и по сию пору страшно некрасивую политику (не думайте, что это дипломатия с их стороны). Но ведь это относится и ко всем подобным этой „дружной паре“, а особенно к Вам, г. Соламахин, проявившему отсутствие чести не только в отношении Вольного Казачества, но и в отношении Каз-ва вообще. Примеров можно много привести. Вашей политике поражаются даже ваши сторонники. Уж куда больше, когда не так давно, „уважаемый“ Вами ваш Войсковой Атаман ген. В. Г. Науменко, сидя в казачьей семье в одном частном доме, ругал Вас за Ваше поведение.

Теперь спросить бы Вас: из каких это таких источников Вы имеете сведения о том, что у Б. А. „произошли большие разногласия с редакцией журнала „В. К.“ и белградским представителем вольных казаков?.. И дальше: Вы говорите, что Б. А. „разочаровался и решил отойти от „вольного казачества“. Так разрешите Вам заявить с полным на то правом, как человеку, стоявшему и стоящему очень близко к работе Вольного Казачества, а следовательно и в курсе дел пребывающему: Никаких разногласий с редакцией у Б. А. не было; никаких разочарований у Б. А. в Вольном Казачестве так же не было и отходить от В. К. он не решал, как изволите Вы писать. Все это выдумано Вами как и ваше „письмо от повстанца с Кубани“*) за подписью А. Р. Ш. (По поводу этого письма все смеются и утверждают, что это выдумка — даже Ваши единомышленники). Относительно тех „связей“, что Б. А. хотел „возобновить с людьми, борящимися с разлагающей пропагандой В. К.“, я скажу следующее.

Примирения с своими политическими врагами Б. А. никогда не искал. А если перед смертью он сказал, что „надо будет, Лена, мне попросить у некоторых лиц прощения за нанесенные обиды“, то это нисколько не значит, что если-бы, предположим, Б. А. и просил-бы прощения за обиды у кого либо из противников В. К., то он этим самим переменил убеждения и разочаровался. Ведь надо все таки при освещении фактов, во-первых, их не искажать своей фантазией, а во-вторых, вооружиться логичностью. Единственно, что заставило Б. А. говорить о примирении (повторяю — не политическом) это его набожность. (Если г. Соламахин читал когда нибудь Евангелие, он должен был бы знать, что заповедал нам Христос). Мысль о Боге, как и о Казачестве, никогда не покидала покойного.

Дальше: какая нелогичность и абсурдность в том, что Вы говорите: „характерным подтверждением ухода Кундрюцкова от „вольных казаков“ служить также надгробная речь Н. А. Букина, в которой совершенно не было упомянуто о вольном казачестве.“

Да если я в своей речи слово „вольный“ и не употребил, так разве это значит, что Б. А. отказался от Вольного Казачества? Удивительно „характерное подтверждение“ и еще более удивительна Ваша логика. Если я не употребил слово „вольный“, так смотрите, не подумайте, что я отказался от идеи Вольного Казачества. А то, чего доброго, умру, а Вы сейчас же будете говорить, что „он (Букин) еще при жизни отказался от В. К., а характерным подтверждением этого является его надгробная речь у тела Кундрюцкова, в которой он не упомянул о вольном казачестве.“ Помните г. Соламахин и все вам подобные, что говоря о Казачестве, мы имеем в виду истинных казаков-патриотов, казаков-националистов, а о других казаках мы говорим с добавлением слова „русские“. Те казаки, что борятся в настоящее время скрыто или открыто с освободительным движением Казачьего Народа, являются не кем другим, как только предателями, изменниками; людьми, потерявшими совесть и понятие о чести и национальной гордости; людьми, боящимися своего красивого имени — казак, имени, которое заставляло неказаков переписываться, отказываться, от своего старого имени.

А что Вы то, г. Соламахин, боитесь своего имени, так это не новость. У Вас в канцелярии дошло до такой низости, до такого произвола, что уже вместо Войсковой печати вы употребляете печать Штаба Кубанского Войска с российским двуглавым орлом. Если бы Вы были настоящий войсковой писарь, как Вы изволите себя величать иногда, да плюс к тому честный человек, так Вы бы знали, что подобных вещей делать нельзя и напомнили бы об этом тем, кто это допускает Вам делать. Печать утверждена, наверное, Законодательной Радой, но не Вами и не специалистами-ораторами на заседаниях Дамского Кружка. Сколько бесчинств и бессовестных поступков за время Вашей работы в куб. канцелярии Вы проявили!.. Я ведь это великолепно знаю. В то время, когда еще Студенческая станица имела несчастье пользоваться вашим помещением, мне, как станичному атаману, приходилось с Вами в некоторых случаях сталкиваться. В то время Вы как будто вполне серьезно исповедывали идею В. К. и на этом основании мне приходилось справляться у Вас о некоторых чинах, посещавших Куб. Канцелярию. В

*) От ред. По имеющимся у нас сведениям „письмо“ это писано действительно в... Югославии.

присутствии одних Вы могли свободно продолжать разговаривать о В. К., с появлением некоторых других, Вы нагоняли на себя печать таинственности в разговоре со мной, показывая тем самым невозможность продолжать разговор. Расспрашивая о некоторых г. г., я слышал о них Ваши отзывы прямо таки враждебные. Так, своего „уважаемого" Вами Войскового Атамана Вы называли „шляпой" и человеком, по ошибке попавшим в ген. штаб. И какие такие документы вы хотели опубликовать с целью „посадить" Куб. В. Ат. Науменко? „Разве это Атаман", — возмущались Вы потому, что ген. Науменко „не симпатизирует н а ш е м у журналу", как Вы изволили говорить тогда о журнале „ВК".

А помните, когда я пришел из бывшего русского посольства, после подписи в Юбилейном Адресе Его Королев. Величеству Королю Александру по случаю благополучного 10 летнего царствования, и рассказал Вам о том, что я слышал, — каким тоном г. Штрандман изволил говорить с Войск. Атаманом (о деле, так думаю, о Шабце в связи с отданием приказа о передаче г. Иконниковым своей должности другому лицу): „Какой же вы Атаман, раз вы не можете пресечь безобразия? Ведь это большевизм, — непослушание вам". Что Вы, г. С., на это мне сказали?.. Неприятно и неприлично здесь говорить, но что поделаешь: „Да ведь это же ж...", так изволили Вы выразиться о своем Атамане и, заложив в карманы руки, ходили смущенный по канцелярии. Генерала Звягинцева Вы просто видеть не могли за то, что он ярый противник самостийности. П. И. Курганского называли „лисой" и играющим двуличную роль в политике... И много других коротких, но хлестких характеристик пришлось мне слышать о тех, с кем Вы в настоящее время так дружны.

Да и вобще „то" время, как вспомнишь, как представишь себе Вашу роль, так даже поражаться приходится, что человек способен так часто и умело менять личинку. Для чего это Вы делали? Какую выгоду для себя преследовали Вы, ведя такую „политику" во взаимоотношениях вообще? В „то" время Вы сожалели о том, что еще на Кубани иногородний элемент не повырезали, а теперь русские люди у Вас друзья... А не так давно (сравнительно), Вы были в Суботице и там изволили выставить себя снова самостийником. Даже говорили о том, что у нас с русскими людьми ничего общего быть не может и что мы должны сплотиться в одно целое для защиты казачьих вольностей. А между тем Вы боритесь в это же время с теми, кто честно ведет борьбу за те же вольности.

Что же это такое? Вы сами-то подумайте и скажите — присуще-ли такое поведение человеку вообще? Или, в конце концов, имейте же гражданское мужество открыто стать на какую-нибудь одну сторону. Довольно хамелеонить!.. У нас, конечно, вам места нет...

Лучше бы было, г. Соламахин, прекратить вам „мудрить". Мудрить то быть может вы и умеете, но не советую Вам показывать Вашу „мудрость" среди казаков, ибо она до того довела Вас, что казаки уже чистосердечно говорят: „Ему остается одно: пустить себе пулю в лоб".

Жалкий Вы борец, если прибегаете к последним, упомянутым, способам борьбы с В. К. С правдою бороться очень трудно... Сколь смешны Вы с Вашими средствами. Но, не затрагивайте мертвых да еще ложью.

Николай Букин.

15-III-33.

Как лгут „вольные казаки" из „Кавказского Казака".

В февральском номере (2—116) „К. К.", на стр. 19, в „информации" о „деятельности" „Правления Об'единения Вольного Казачества" есть и такое „сообщение":

„Об'единение В. К. утверждено в 1928 г. Чсл. правительством; Игнат Билый исключен из его списков в 1929 г."

Пражский осведомитель „К. К." л ж е т. У меня на руках имеется письмо старого правления „об'единения", подписанное и теперешним его возглавителем г. Федоровым (тогда — казначеем старого правления), которое начинается так: „Г-ну И. А. Билому. Заявление Ваше о выходе из состава членов Об'единения Вольного Казачества принято к сведению..." Правда, есть разница между: „исключен" и: „заявление Ваше о выходе... принято к сведению"!..

Я мог бы этим и ограничиться, но вероятно некоторых читателей „ВК" приведет в недоумение появление и „проявление" „Об'единения", носящего почти тождественное имя с тем ВК, которое вот уже шестой год работает у всех на глазах, равно как и их (ВК и „об'единения") отношения и задачи „об'единения" (задачи ВК давно уже известны всем). Словом, может быть „путаница"...

По скольку мне не изменяет память, в 1929 году (а не в 1928, как пишут в „КК"), по инициативе Центра ВК (тогдашнего Комитета) решено было для разрешения не политических дел местного (Пражского) значения (вроде организации самопомощи или вообще не политической культурной работы) учредить „Об'единение Вольного Казачества". Так как в то время некоторых активных деятелей ВК (а прежде всего меня) некоторые менее активные „обвиняли" в „захвате власти", в том, что „некоторых лиц „захватчики" не хотят пустить к работе" и т. п., то было решено предоставить возможность некоторым „беспокойным" проявить себя в „Об'единении". Вот почему в правление Об'единения не вошли тогда (в 1929 г.) ни Билый, ни Стариков, ни Быкадоров...

Не помню, когда были самые выборы, но избранное правление (по имеющимся в моем распоряжении данным) „открыло свою деятельность" осенью 1929 г. (хотя, как подтверждает имеющийся у меня на руках документ за ноябрь 1929 г., „Со дня основания Об'единения Вольного Казачества минуло уже 6 месяцев"...). В чем же проявилась эта деятельность?

— Пусть простят мне читатели „ВК", что я позволяю себе в данном случае утруждать их внимание и отбирать место на страницах нашего журнала для освещения таких мелочей, но постоянные „уколы" или „намеки" некоторых „вольных казаков из К. К." вынуждают меня сделать это с тем, чтобы потом вообще не возвращаться к полемике с ними. Вот почему я и хочу коротко остановиться на деятельности „Об'единения" в 1929 г., т. к. она, кажется, продолжается сейчас через „К. К.".

Итак, о деятельности „об'единения". (Кто из вольных казаков вообще что-нибудь слыхал и о самом „об'единении" и о его деятельности?). Вся тогдашняя „деятельность" „об'единения" свелась к следующим двум „делам":

1. В ноябре 1929 г. я, как редактор „В. К.", получил весьма категорическое предложение правления „об'единения" поместить в журнале „В. К." такое его „постоянное об'явление":

„Об'единение Вольного Казачества... Членами об'единения могут быть лица физические — каждый казачий эмигрант и юридические — их союзы, общества, товарищества. При об'единении открыто: 1. Бюро труда. 2. Касса взаимопомощи членов об'единения. 3. Д е ш е в ы й о б м е н д е н е г с СССР. 4. Информации по переселенческому вопросу"...

О напечатании такого об'явления в журнале „В. К." не могло быть, конечно, и речи. Я не мог позволить в какой бы то ни было степени к делу Вольного Казачества примазать такое провокационное „предприятие", как „дешевый обмен денег с СССР" и подал заявление о выходе из состава самого об'единения.

Что я действительно сам ушел из „об'единения" и меня оттуда господа Федоровы не исключали, у меня имеется два документа тогдашнего правления: один от 28 ноября 1929 г., из которого видно, что „г. Билый подал заявление о выходе из состава Об'единения", а

другой от 11 декабря того же года, адресованный мне, начинающийся так: „Заявление Ваше о выходе из состава членов Об'единения Вольного Казачества принято к сведению..."

2. Второе „дело" „об'единения" было такое. В декабре того же 1929 г. я получил следующее письмо правления „об'единения" от 16 декабря:

„Госп. И. А. Билому. Правление Об'единения В. К. доводит до Вашего сведения, что на основании поданного ему 22 ноября заявления С. А. Федорова о действиях Ваших, систематически сводившихся к дискредитации его как работника Вольного Казачества, произвело сбор письменных сведений и на основании § 13 Устава Об'единения приступило к формированию Третейского суда, в который Вы имеете предложить в восьмидневный срок двух судей с Вашей стороны. В случае неназначения Вами судей, правление по истечении этого срока назначит их само."

Я ничего не ответил на это правлению, а оно, по истечении им же назначенного срока, не назначило судей, как обещало, а вместо этого г. Федоров подал жалобу в Пражский окружный суд и ... п р о и г р а л.

Это и есть все известные мне дела „Об'единения" за 1929 год. Что делало оно дальше — вероятно никому неизвестно, что делает теперь (в измененном, как видим из „КК", составе), ведет ли и с кем какой „обмен", желающие могут узнать в „КК."

Мне не нужно, конечно, предупреждать вольных казаков о том, что между подлинным В. К. и „об'единением" нет ничего общего.

И. Билый.

Павел Поляков.

Казачьи фельетоны.

Письмо оттелева.

Милостивый Государь, господ. редактор! Мне-же-ж обидно! И здорово! „Кавказский Казак" письма „оттуда" — „получает", — а мы нет!

Что за черт!

Решил и я такое письмо „получить" № 1-й...

Нужно будет — еще „получим"!

А Вас, господин редактор, прошу — обязательно пропечатайте!

Чем наши хуже ихних!

Дорога и мыла моя кума! Пышу тоби оцю пысьмо з Нарымського краю, куда загналы нас прокляти большовыкы за те, что не слушали мы, шо нам говорыв наш ерой и батька отаман генерал Науменко, шо завив вас на Лемнос и з Лемносу вывив и оце вже 14 годов воде по всьему світу... Як бы не вин, ваш Науменко, шо ще в Катеринодару у Покровского та Врангеля мастерству учився, та не ёго началнык штабу полковнык Соломахын — так мы-б издесь давно вси с горя попередохлы!

Це воны як Ангелы Божжы нас козаків от всякого зла сохраняють и оберыгають!

Господь за нас, мы победим, да здравствует Росссия! Вра! Вра! Вра!

А ще пышу тоби, шо пасу я зараз верблюдів на Камчатки у кумы моей Марфы, яку загналы сюда за тэ, що не слухалась генерала Шкуры (дай ему Бог все выно попыты)... якый ее од большевикив спас, бо поперед их у ней небоги все под грибло позабырав!

А ще пышу тоби кума, шо оттаку ж цидулю послав я и Соломахи и вин ii у Кавказькому Казаку пропичатав...

Ты там скажи вільным козакам, шо мы их не прызнаем, а прызнаем тилько отых, шо у Билгради на пузи лазиют... Це добре!

И мы туточки оттак-же перед большовыкамы лазаем, як Ваши генералы перед вашимы барами... А в нас хто не лазыть на пузи, того — высиляют... а в вас я слыхав Науменко отых, шо не пресмыкаются — со службы выганя, из списков Войска — вычеркивает и козакамы не щитает. Це дуже добре! Оттак-же и в нас Сталин робыть с козакамы!

А ще слыхалы мы, шо ввас там много ставропольских козакив развилось... и це добре! И в нас тут и Московськи и Рязаньски и Нижегородски козакы понаихалы! У наших куринях сыдять, наш хлиб жруть, и од нашего имени говорять. Це добре! Це и в вас и в нас е!

Но покамисть звинить! Простить, шо без порядку пысано.

А пысав ціе пысьмо на берегу Каспицького морю козак Чортмаевськой станыці

Хивраля 5 дню. **Семэн Бріхло.**

Казачья эмиграция.

В Везине-Шалет.

ПРИГОВОР № 1

сбора казаков Вольно-казачьей станицы в Везине-Шалет при Монтаржи 5 марта 1933 г.

Мы, нижеподписавшиеся, казаки разных Войск, собравшиеся сего числа в количестве 17 человек, под председательством вольного казака Ф. Б. Карташева, заслушав доклад инициативной группы и других членов об образовании в Везене-Шалет новой казачьей организации, а именно Вольно-казачьей станицы вольных казаков, обменявшись мнениями, единогласно решили следующее:

1. Образовать здесь Вольно-казачью станицу, под общим лозунгом „Наш девиз — Казачья воля, Казакия — наша цель", не нарушая порядка существующей Общеказачьей станицы здесь и не вступая в споры (политические) с другими существующими здесь организациями, твердо памятуя лишь одно, что напечатано на Вольно-казачьем знамени: „Свобода и независимость Казакии".

2. Атаманом единогласно тайной баллотировкой оказался избранным казак С. П. Ткаченко и помощником атамана казак А. М. Емельянов, казначеем казак Ф. П. Верба, писарем казак А. Н. Демченко и в ревизионную комиссию избраны: казак С. Б. Тазгиров, казак М. А. Якуба и казак И. А. Фетисов.

3. При станице учреждена касса взаимопомощи: Председателем кассы избран казак М. И. Попивненко, казначеем кассы казак Н. П. Ивановсков.

4. Станица начала свои функции, считая с сего числа, и все необходимые резрешения от французских властей правлением станицы получены полностью.

5. Правлению станицы вменяется войти в тесную связь как с Вольноказачьим центром в Праге, так и с другими вольноказачьими организациями во Франции.

Настоящий приговор написать в двух экземплярах, один послать в редакцию „В. К. для опубликования, а другой оставить в делах станичного правления.

В том собственноручно и подписуемся.

Вольные казаки: *Попивненко, Фетисов, Ивановсков, В. Мокиенко, Якуба, И. Сухарь, С. Чередников, Ганза, Тазгиров, Дубина,* (подпись неразборчива), (подпись неразборчива). Атаман станицы *С. Ткаченко,* пом. атамана *Емельянов,* казначей *Верба,* писарь *А. Демченко.*

Председатель сбора *Карташев.*

В Руте (Германия).

ПОСТАНОВЛЕНИЕ.

Мы, нижеподписавшиеся, казаки вольноказачьей Ганноверской группы, 26 февраля 1933 г. в Руте на своем собрании постановили переименовать в. к. Ганноверскую группу в вольноказачий хутор, назвав его Билый, в честь нашего организатора вольно-казачьего движения Игнатия Архиповича Билого.

Вновь выбрано правление: атаманом — Андрей Копатков, казначеем — Прокофий Чипликов, писарем — Федот Киселев, в ревизионную комиссию — Михаил Ковалев и Харитон Орлов.

Постановление подписали: *Качалин Николай, Максим Пономарев, Терентий Лозин, Прокофий Чипликов, Кузьма Петров, Петр Лосев, Александр Данилко, Иван Буянов, Михаил Ковалев, Алексей Рощин, Федот Киселев, Андрей Копатков и Харитон Орлов.*

В Беловеже.

Инициативная группа вольных казаков в Беловеже назначила на день 26 прошлого февраля сбор для организации станицы, на что было получено и разрешение местных властей.

После открытия собрания, станичник М. И. Юрьев сделал доклад о цели собрания, после чего единогласно избраны: Н. И. Исаев председателем, а С. Т. Гарбушин секретарем собрания. После обмена мнениями, единогласно было решено организовать станицу и назвать ее Донская в г. Беловеже. После этого по предложению председателя тайной баллотировкой избраны: станичным атаманом М. И. Юрьев (дон.), секретарем Н. И. Исаев (дон.), казначеем С. Т. Гарбушин (урал.) и два члена правления: И. П. Попов (дон.) и Н. П. Салмин (урал.).

Сомкнем ряды.

Глубокоуважаемый Господин Редактор!

Известие о смерти Бориса Александровича Кундрюцкова принесло нам большую печаль. В лице Бориса Александровича мы потеряли одного из лучших казаков, одного из первых борцов за казачью свободу... Мир праху его, да будет пухом ему приютившая его земля...

Мы же, братья казаки, не должны падать духом, нам нужно еще больше об'единиться, еще больше и тесней сплотиться вокруг нашего ВКазачьего движения и всеми силами поддержать его, так мы сможем скорей осуществить нашу идею. Лютая смерть также завтра может отнять у нас любого борца за нашу свободу — свободу всего Казачества. А без наших дорогих борцов мы сами одни не в состоянии будем найти путь-дороженьку в Свободную Казакию.

Поэтому, братья казаки, еще раз призываем вас тесней сомкнуться вокруг наших дорогих борцов, вокруг Центра и как можно больше энергии проявлять в борьбе за наше дело Освобождения.

Довольно, среди нас трусов не должно быть. Все мы теперь должны подать свои голоса в Центр, все мы должны стать в ряды Вольного Казачества, тем большее право дадим мы ему говорить за нас перед всем миром и скорей возвратимся в нашу Свободную Казакию, где наши родные, отцы, жены и дети, давно нас ждут не дождуться.

Да здравствует Вольное Казачество!
Да здравствует Свободная Казакия!

Е. Ф. Левин. Ф. Г. Колбасин.

(Воло, Греция).

Моя печаль.

... Получаю № 123. Смотрю, на первой странице портрет Б. Кундрюцкова. Читаю и глазам не верю, что его уже нет... Полезли по телу мурашки... Ведь ему бы только жить бы да петь о Вольном Казачестве!.. Но, знать не суждено было Тебе, дорогой станичник, петь до возвращения на Вольный Тихий Дон... Ты шел вперед с вольными мыслями и не было тебе преграды... Ты говорил врагам правду...

Твои стихи так пропитаны вольными степями и вольным духом! И я радовался и гордился тобой, что Всевышний Творец наградил тебя хорошими мыслями... Но сейчас, когда Ты ушел безвозвратно, мне кажется, что Творец небесный тоже творит неправду, потому что ведь есть такие, которые бы могли умирать сотнями... Но, наверно, такие и там не нужны со своими лживыми мыслями...

Вечная Тебе память и вечный покой, дорогой станичник. Не забудут Тебя вольные казаки и казачья история за Твои вольные песни.

Емельян Кочетов. (Польша).

В Августове.

26 февраля 1933 г. станица имени Атамана Назарова в Августове отпраздновала праздник, посвященный шефу станицы, по случаю 15-тилетия со дня расстрела красной гвардией казачьего народного избранника, Донского Атамана Анатолия Михайловича Назарова.

К двум часам дня собрались все казаки, входящие в состав станицы, за исключением трех казаков, которые не могли участвовать на празднестве по причинам с их стороны уважительным. Станичный атаман, Ф. Сафонов, открывая празднество станицы, произнес такую краткую речь:

Дорогие станичники! Сегодняшний день мы собрались для того, чтобы почтить память 15-тилетия со дня смерти нашего шефа станицы, великого казака-Атамана Анатолия Михайловича Назарова. Отбросив 15 лет назад, мы с вами станем лицом к тому трагическому времени, когда враги Казачества безнаказанно издевались над казачьим избранником, считая себя полными хозяевами в стране казаков. Не к чести нашей, станичники, что мы допустили хозяйничать в своем доме таких гостей, а еще хуже, что мы позволяли убивать своих избранников. Очутившись за бортом своей Казачьей Родины, мы теперь спросим сами себя: почему же на самом деле мы не могли сохранить жизнь человека, которого мы избрали на ответственный пост? С болью в сердце приходится сознаться, что слишком много у нас, казаков, наклонностей к чужому и еще больше гордости и самолюбия один к другому. С чужим побуждением, подталкиваемый самолюбием, пришел Голубов и предал народного избранника в руки палачей. Всем нам известно, какую предательскую роль сыграл в освободительном движении Казачества Войсковой старш. Голубов. И вот теперь мы, казаки, очутившись за границей в силу неподготовленности в прошлом, оторвавшись от своего народа, готовимся вторично под инициативой журнала „В. К". к освобождению всего Казачества, раз и навсегда должны сказать во всеуслышание: Долой с предательством! Долой с честолюбием и самолюбием! Да здравствует мир и любовь в среде всего Казачества!

Не время нам, станичники, спорить, когда Казачество гибнет. У всех у нас степные сердца, у каждого из нас одинаково бурлит казачья кровь. Так неужели же мы позволим Московскому интернационалу извести нашу казачью кровь! К нам, станичники, обращены с мольбою взоры наших отцов, матерей, жен, братьев, сыновей и дочерей! А посему, станичники, вперед, за свой Казачий народ, а если нужно, то и жизнь свою положим на алтаре Казачества...

Вторым говорил казак Уральского Войска С. С. Пастухов: Дорогие станичники! Сегодняшний день мы празднуем праздник нашего шефа станицы, Атамана А. М. Назарова, который боролся за Казачество. Помянем же за упокой души его верного казака В. В. Донского. Дай Бог, чтобы наше В. К. привело нас в родные наши незабвенные Края: Дон, Кубань, Терек, Урал, Оренбург, Астрахань и Калмыкию. Да здравствует В. К. и Казакия! Да поможет нам Господь в намеченной цели...

Дальше говорил донской казак Максим Муругов: Станичники! Сегодняшний день мы чтим память нашего Атамана, шефа нашей станицы. Да будет ему легка земля над его прахом. Честь ему, что он сдержал свою присягу и верность своему народу и не отдавал своего

Группа вольных казаков в г. Ломе (Болгария) с гостем П. Н. Кудиновым: 1. П. Н. Кудинов, 2. Н. Егоров, 3. В. Гудков, 4. А. Шляхотин, 5. К. Дрынкин, 6. А. Емельянов, 7. Ф. Забазнов, 8. Д. Грицинов, 9. И. Жуков, 10. С. Садчиков, 11. И. Рокинов, 12. К. Ильичев.

Правление Донской Парижской станицы: сидит атаман есаул М. Колесов, стоят (слева направо): пом. ат. Ш. Балинов, писарь В. Семенкин и казначей И. Евтухов.

Инициативная группа Белградских вольных казаков: сидят (слева направо): Н. Ф. Букин, П. С. Поляков и Н. М. Дмитренко; стоят: П. М. Мерзликин, И. М. Фастунов и Б. А. Кундрюцков.

пернача и булавы большевикам, что не убоялся и пошел на верную смерть перед русскими оккупантами... Где же в настоящее время такие атаманы, которые могли бы оценить наше казачье житье за границей и страдальческое существование оставшихся в родных краях и призвать всех казаков к защите своих родных краев? Станичники! мы не должны забывать, что мы все происходим плоть от плоти, кость от кости славного Вольного Казачества. Наши предки, когда слышали, что казаки стонут в неволе, то собирались тысячами и шли выручать из неволи своего брата-казака, не жалея жизней, а мы в настоящее время слышим, как красная Москва убивает наших братьев тысячами для достижения своей колонизационной цели, и мы остаемся ко

всему хладнокровны... Не пора ли нам всем в один голос сказать: эй, московские палачи, руки прочь от Казачества! Если вы считаете себя идейными борцами за волю и права народа, то дайте жизни и нам, казакам. А если нет, то слушайте, что мы вам говорим вот уже шестой год: против вашей воли и против вашего желания мы сольемся в могучий поток, свергнем ваше иго над Казачеством и создадим великую могучую Казакию.

Да здравствует наш девиз — Казачья Воля, Казакия — наша цель!

Вахмистр И. Быстров: Станичники, позвольте и мне, старому вахмистру, подчеркнуть кратким словом сегодняшнее празднество. Сегодняшний день нам напоминает, что 15 лет тому назад у нас был убит наш казачий избранник, Донской Атаман А. М. Назаров. Я не буду касаться того, за что он был убит, только скажу вам одно, что нас убивали, убивают и будут убивать, если мы не будем знать своей политической казачьей цели. Так вот, станичники, для того, чтобы сохранить память о великих патриотах, живот свой положивших за Казачество, мы должны сказать: исполним свой долг до конца, и, по примеру нашего шефа, одна могила нас может вырвать из нашей Казачьей организации. Да восторжествует любовь и уважение в среде казаков!

В десятом часу вечера, закрывая собрание, атаман с казаками поблагодарили хозяина дома станичника Якова Ивановича Колпикова с супругою и разошлись по домам, уверенные в правоте и чистоте своего казачьего дела. (Соб. кор.)

Велики-Бечкерек.

25 февраля с. г атаман Белградской О.-К. Студенческой станицы Н. Ф. Букин приехал с докладом в г. Велики-Бечкерек. Казаки г. В.-Бечкерека давным-давно собирались пригласить к. н. из Студ. ст-цы для прочтения им доклада по Казачьему вопросу, но все случались какие нибудь непредвиденные препятствия.

Приехав в В.-Бечкерек, Н. Ф. Букин вместе с встретившими его казаками первым долгом направились в полицию, дабы явиться, как это полагается, а в 8 ч. в. этого же дня в помещении, снимаемом украинцами и казаками вместе, состоялся сбор казаков. Назначенный от полиции чиновник, по происхождению русский, г. Чепурков, без четверти восемь уже был на месте доклада.

Красиво декорированная комната, украшенная портретами Королевского Югославянского Дома, национальными флагами — казачьими и украинскими, к назначенному часу была полна.

В 7 ч. 55 м. вечера Н. Ф. Букин в коротком вступлении благодарил Е. К. В. Короля Александра и весь Югославянский народ за представленную казакам возможность свободно говорить о Казачестве. Громкое чистосердечное „Живео“ в ответ на это спугнуло воцарившуюся тишину.

Затем докладчик сказал прочувствованное слово памяти недавно умершего казачьего поэта Б. А. Кундрюцкова. Присутствующие почтили память его вставанием, сказавши: „Вечная память“.

Дальше начался самый доклад. Сначала был сделан доклад о государственном строительстве на Дону в период 1917—1919 г. г., а потом, после 5-ти минутной паузы, доклады: то же самое на Кубани и „Наш долг перед Казачеством“.

С большим напряженным вниманием были выслушаны доклады, окончившиеся без четверти 12 ночи. После докладчик просил желающих задавать вопросы, но таковых не нашлось.

Расходиться после доклада никто не решался, все еще хотелось поговорить. Разговоры, обмены мнений продолжались во время ужина, о котором, как оказалось, побеспокоилась жена станичника Мирошника Якова Ерофеевича — старшего в.-к. группы.

Здесь было заметно, с каким горячим желанием казаки говорили о своем казачьем, касаясь главным образом своего будущего. Незаметно полилась и казачья песня в безграничной тоске и любви к Казачьим Землям. Стоя, с величайшим благоговением были пропеты Казачьи гимны и Украинский. Были здесь и братья украинцы. Среди них душою общества оказался сам пан Голова Мельничук. Здешние украинцы, громадяне, имеют свой духовой оркестр, в котором играют и казаки. За время ужина играл оркестр, придав таким образом особый уют тесной, духовно спаянной казачьей семье. Хотелось без конца говорить и петь с своим гостем, но незаметно настал час, когда Н. Ф. Букину надо было возвращаться в Белград.

Казаки просили своего гостя еще приехать и присылать литературу казачью. Любовь к казачеству и интерес к его судьбе засвидетельствовали имеющейся на лицо довольно большой библиотекой, где аккуратной стойкой лежат все номера „Вольного Казачества“ и чисто украинская литература.

До последней минуты слышались передавания приветов в Белград и пожелания. Казаки настолько были рады слышать казачье родное слово, и так благодарны были своему гостю, что под громкое „ура“ вынесли его на руках до извозчика и проводили до станции.

Было-бы очень хорошо, чтобы к нам, в провинцию, почаще приезжали наши казачьи студенты и другие казаки поговорить о своем деле.

(Соб. кор.).

В Смедерево.

19 февраля Смедеревская Общеказачья станица произвела перевыборы ст. правления. Правление осталось прежнее во главе с атаманом Н. Л. Гнилозубом и лишь пополнилось двумя новыми членами: ст. ст. Кошкодаевым и Кишкиновым.

Доносы г. Науменко и отобрание у станицы печати (с двуглавым русским орлом) лишь только подняли дух у казаков и жажду непримиримой борьбы за осуществление Великой Идеи. На смедеревцах можно убедиться, насколько живуч казачий народ.

После перевыборов, вполне законных не только для казаков станицы, но и для Югославянских властей, т. к. происходили в присутствии дежурного полицейского чиновника, пан Черный, голова Украинской громады, высказал пожелания, чтобы казаки и в дальнейшем бы шли рука об руку в борьбе за свой народ, отбрасывая в сторону личные счеты. Чувство же благодарности к братскому Югославянскому народу должно быть передано не только тем, кто остался под гнетом большевизма, но и всем казакам, рассеянным по белу свету и тем, кто родится после нас.

Покончив с официальной частью повестки дня, атаман Н. Л. Гнилозуб предложил почтить память умершего Б. А. Кундрюцкова вставанием.

По инициативе Т. А. Стеляровa была собрана небольшая сумма денег (87 д.) для вдовы и сына умершего.

Отдав должное выбывшему из наших рядов бойцу, казаки выслушали доклад, прочитанный П. М. Мерзликиным, на тему „Революция, контреволюция и Казачество“.

Доклад составленный на основании записок г. г. Врангеля, Деникина и других источников и касавшийся главным образом Кубани, выслушан с большим вниманием и удовольствием.

Когда докладчик коснулся иногороднего вопроса, инж. Барилко с разрешения докладчика задал вопрос — что же именно делать с иногородними (уравняв их в правах, мы можем попасть под их влияние)? П. М. Мерзликин высказался за уравнение (старых, конечно). С мест же были предложены более радикальные меры — всех поголовно выселить туда, откуда пришли.

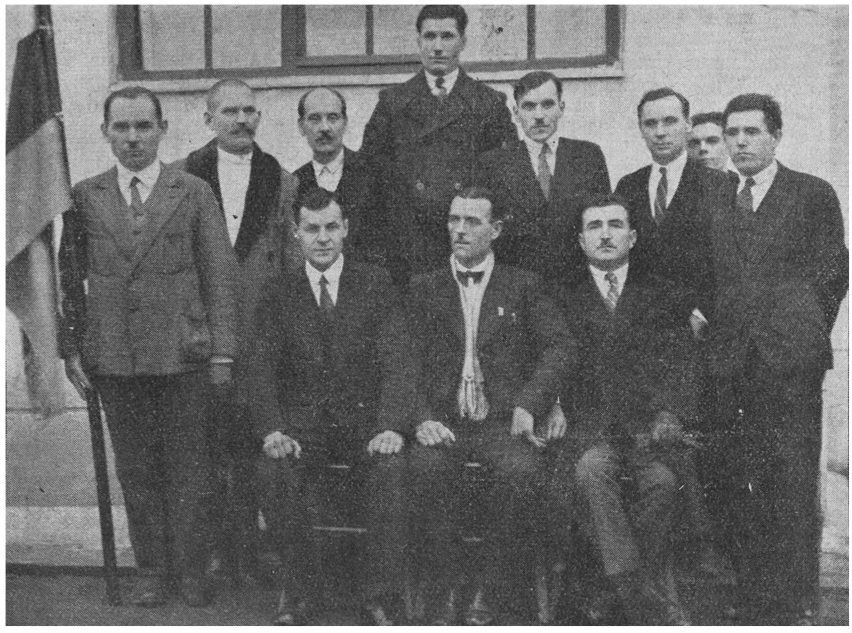
Еще новая страничка из истории прочтена казаками. Каждое слово продумано и на многие вопросы готов ответ.

В Смедерево убеждаешься, что нет разрыва между отцами и детьми, а наоборот, — между ними царит полное доверие и любовь. Так любить, как рядовое казачество любит свою молодежь, как особенно ее любят смередовцы, никто не любит.

Безусловно „вождям“ нашим в Смедерево делать нечего. (Соб. кор.)

Группа вольных казаков Донской Вольно-казачьей Селимийской Свято Николаевской станицы в г. Ески-Джумая во главе со своим атаманом М. К. Туроверовым.

Правление Смедеревской ВК станицы с гостем из Белграда 11 декабря 1932 г. Слево направо: сидят: атаман студенческой станицы Н. Букин, атаман Н. Гнилозуб, пот. ат. Столяров; стоят: Семенцов (дов.), Чорный, Захаров (писарь), Заривный (дов.), Лукьянцев (казначей), Кишкинов, Роговцов и Негреев (чл. рев. ком.).

В Суботице.

11 марта с. г. в 7 ч. в. в помещении Основной Школы было собрание казаков, на котором приехавший из Белграда атаман Студенческой Станицы Н. Ф. Букин сделал доклад на темы: „Казачество в эпоху революции 1917-1920 г. г. и теперь"; „Казачьи группировки" и „Вольное Казачество и его задачи".

После здравицы Е. К. В. Королю Александру и всему Югославянскому народу, Н. Ф. Б. сказал несколько слов памяти недавно умершего казачьего поэта Б. А. Кундрюцкова. Почтив память покойного станичника, казаки выслушали с большим интересом доклад, затянувшийся до одиннадцати с минутами. После этого, как полагалось, докладчику должны были ставить вопросы. Но началось с другого. Есаул Дон. В. г. Власов поспешил выступить с заранее написанным ответом докладчику. В своем ответе г. Власов показал слишком большую преданность России и нелюбовь ко всему казачьему. „Ответ" был полон необоснованных грубостей в адрес Вольного Казачества. Но успеха г. Власов не нашел даже со стороны не самостийников, присутствовавших на докладе в небольшом количестве. Г. Власов, не найдя поддержки и не дослушав докладчика, покинул собрание.

После этого Н. Ф. Букину был поставлен целый ряд вопросов, с полным успехом им были даны ответы. Больше всего вопросов поступало со стороны есаула Беднягина (куб.), потом со стороны полковника Щебуняева (дон.) и меньше всего от ген. Проскурникова (куб.). Последние выступили с отрицанием программы В. К., но безуспешно. Подавляющее количество казаков (всего было 40-45) — сторонники Вольного Казачества.

В первом часу ночи стали неохотно расходиться. Казаки жалели, что редкому гостю необходимо было уезжать обратно. Просили еще приехать и почитать что-нибудь из истории Казачества. „Ведь нам историю нашу никто здесь не читает. Спасибо, что вы приехахали, хоть о своем-то чисто поговорили", — сказал один из станичников.

Имевшие возможность остаться со студенческим атаманом до отхода поезда собрались в доме одного казака и до последней минуты вели беседы о прошлом, настоящем и будущем Казачества. Между разго-

ворами разливалась с звенящим подголоском родная песня. Сильно приподнятые духовно казаки страшно интересовались жизнью казаков в других местах... „Всюду ли казаки наши читают и изучают свою историю... Надо же хоть теперь быть готовыми", — говорили казаки.

В 3 с половиною утра казаки проводили на станцию своего гостя, прося почаще писать, присылать вольно-казачью литературу и как можно скорее посетить Суботицу.

(Соб. кор.)

В Париже.

12 марта сего года Общество Ревнителей Казачества в Париже устроило очередное свое публичное собрание, на котором прочитал доклад инженер М. Еремиев на тему: „Русско-украинские взаимоотношения в освещении русских и украинских поэтов". Докладчик, уже известный казачьей аудитории, задался целью показать, что различие между великороссами и украинцами не только не есть измышлением современных политиков, как то доказывают русские политики и ученые, а наоборот, было всегда весьма глубоким и часто занимало выдающихся поэтов и писателей прошлого столетия.

Осветив кратко пропаганду русского правительства, пропаганду, имевшую целью убедить всех и вся в единстве „русского народа" и в том, что никаких украинцев „не было, нет и не будет", докладчик в доказательство своей тезы процитировал Пушкина, Ал. Толстого, Гоголя, Шевченко, Гулака Артемовского, Руданского и др., в произведениях которых всего ярче выступает не только отличие русских от украинцев, но и психологическое их отличие, как двух совершенно разных культур.

В своем резюме докладчик подчеркнул, что все, что он говорил об украинцах, может быть в большой мере отнесено и к казакам, культура и психология которых значительно ближе к украинцам, чем к великороссам, несмотря на общий с последним язык.

Доклад Еремиева, обильный фактическими данными, умело облеченный в легкую, общедоступную форму, произвел на слушателей большое впечатление и аудитория, внимательно слушавшая, наградила докладчика шумными аплодисментами. Казаки, присутствовавшие на докладе, выражали свое сожаление, что подобного рода доклады редко устраиваются. По их мнению необходимо, чтобы народы, борющиеся за свою независимость, друг друга знакомили со своей историей, процессом политической борьбы у каждого из них хотя бы путем устройства таких совместных собраний, на которых выступали бы с докладами представители всех народов.

(Соб. кор.)

В Десин.

М. Г. г-н Редактор!

Не откажите поместить в уважаемом Вашем журнале следующее:

Живя в Dècines (France) уже четыре года с лишним, я видел, как всевозможные партии пробовали организовать здесь казаков, но это ни к чему не привело. Когда я приехал в Dècines из Rombas, мне прислали журнал „В. К." Прочитав последний, я всячески старался его распространению во все слои населения. Одни читали его с охотой и сочувствовали идее В. К., другие считали и считают это дело игрушкой. Конечно, мы никого за уши не тянем в свои ряды, но и не допустим, чтобы нас попирали, свое дело мы будем защищать до конца. Каждое дело начинается, во-первых, трудно, а после разростается и доходит до огромных размеров. Есть люди, которые борятся со всеми трудностями, встречающимися на этом пути. Эти люди умеют к нему подойти, подлить масло... Вот таким человеком и оказался здесь А К. Ленивов.

Однажды А. К. прислал мне письмо, пишет, что хочет сделать доклад в Dècines. Я поспешил в Лион и там мы решили назначить день доклада. Приехав домой, я об'явил своим станичникам и 5 марта к нам приехали г. г. Ленивов и Кувиков.

Первый говорил об „Идеологии Казачества", а второй о „Комбаттантах".

Доклад А. К. был сделан очень хорошо, подбор материала вполне соответствовал своему назначению и слушателей было хотя и не так много (почти все калмыки праздновали свой „Цаган"), но было заметно, как они глотали каждое слово докладчика и, придя домой, рассказывали потом тем, кто на докладе не был.

Докладчик говорил и о юбилее 5-й годовщины журнала „В. К.", о его значении и достижениях среди казаков. Об'яснил, как уничтожалось Казачество прежде в России и как уничтожается теперь в СССР. О приказе Керенского. О деятельности ген. Богаевского и иже с ним. О донской казне и т. д.

— Будем делать и пробивать себе путь с надеждой на Казакию, а г-ну докладчику дай Бог здоровья и сил лить масло в души тех казаков, у кого подтерлись подшипники, чтобы они развертелись и долетели до самой Казакии.

Да здравствует Казакия!

После десятиминутного перерыва говорил И. А. Кувиков. Он об'яснил значение организации Комбаттантов, комбаттантских карточек и т. д. Тем казакам, которые имеют комбат. карточки, оказывается помощь: юридическая, медицинская и др. бесплатно, конечно. Члены комбаттанты имеют право участвовать в празднествах и торжествах, устраиваемых комбаттант. французами или бесплатно, или по определенной таксе.

Пожелаю г. г. Ленивову и Кувикову всего наилучшего и большое мое спасибо борцам за Вольное Казачество.

С почтением к Вам **В. Ф. Фролов.**

Dècines, France. 19-III-33 г.

Письма в редакцию.

I.

Милостивый Государь, господин Редактор!

Не откажите в любезности, разрешите мне через посредство издаваемого Вами журнала „ВК" поблагодарить Вас и всех казаков, украинцев и других добрых людей, помогших мне и морально и материально в моем страшном горе.

Искренний отзыв столь большого числа выразивших мне свое сочувствие поможет мне тверже и легче перенести мое тяжелое несчастие.

Искренне благодарная всем
Елена Кундрюцкова.

II.

Милостивый Государь, господин Редактор!

Югославянский Центр Вольного Казачества, желая соорудить памятник безвременно скончавшемуся своему соратнику Б. А. Кундрюцкову, просит Вас не отказать в любезности напечатать в „ВК" нашу просьбу ко всем казакам — помочь нам в этом деле. Все собранные средства просим посылать Павлу С. Полякову, Іована Ристича, бр. 15. Београд, Jougoslavie.

После покойного остался 3-х летний сын Арсений — на руках у безработной матери. При пересылке денег просим указывать, какая сумма предназначается на памятник и сколько на помощь вдове и сыну.

Отчет о расходовании сумм будет помещен в „ВК".

П. Поляков, Н. Букин. А. Беломестнов. П. Мерзликин. Н. Дмитренко. И. Фастунов.

От редакции. Редакция „ВК" предлагает всем легализовавшимся вольно-казачьим организациям, т. е. тем, которые существуют на основании статутов, утвержденных властями страны, в которой они живут, прислать копии своих статутов, переведенные на русский язык.

Убийство казака Никонова.

(Признание подсудимой).

В ночь на 7-е августа в прошлом году в г. Софии восемнадцатилетней девушкой болгаркой Милкой Тодоровой-Волковой был убит из револьвера казак Григорий Иванович Никонов. Полицейским властям и судебному следователю убийца Волкова сообщила тогда, что Никонов насильно влез в ее квартиру и хотел изнасиловать ее, вследствие чего она его и застрелила.

Заведенное судебное дело против убийцы Волковой 1-го марта настоящего года было рассмотрено в окр. суде.

На вопрос председателя суда:

— Признаешь ли себя виновной?

Девушка Волкова отвечает:

— Нет!

После этого председатель суда просит подсудимую рассказать все подробно, без утайки, как произошло убийство.

Вначале колебавшаяся, она соглашается, наконец, признаться и поведать всю правду.

В октябре 1930 г., начала она свой рассказ, я познакомились с Григорием Ивановичем Никоновым. Через некоторое время стали с ним приятели и полюбили друг друга.

В марте 1931 года, познакомилась так же с болгарином Власи Власев, телефонист из VIII полицейского участка. Последний тоже полюбил ее и через некоторое время сделал ей предложение жениться на ней, на что она согласилась.

5-го октября 1931 г., жених ее Власев, почти насильно, лишил ее девственности.

Между прочим, живя с Власевым, будучи его невестой, она не порвала связи и с покойным Григорием Никоновым.

Власи Власев был чрезвычайно ревнив; поэтому следил за каждым ее шагом.

Так случилось и в злополучную ночь 6-го августа. Власев был дежурным у телефона в 8-м полиц. уч. В эту ночь пришел к ней на кв-ру покойной Гр. Ив. Никонов и пробыл у нее до 2-х часов ночи.

При расставании с девушкой, Никонов стал целовать ее, а в это время внезапно отворилась дверь и в коридор ворвался ее жених Власи, который крикнул: Кого ищешь здесь и на каком основании целуешь мою невесту?!

Никонов ответил ему:

„Невеста ли?“

И продолжал: „Она скорее моя жена, чем твоя невеста“.

Власи после такого ответа в своем гневе забыл все, выхватил револьвер и тремя пулями повалил Никонова на пол.

После убийства, Власи под страхом смерти приказал своей невесте пойти в полицию и заявить, что яко бы она убила Никонова при посягательстве на ее честь, добавив к этому, что „этим жестом ты докажешь свою любовь ко мне“, что та и исполнила в точности.

После такой исповеди подсудимой, прокурор просит суд отложить разбирательство дела, дабы дать ему возможность внести обвинительный акт против настоящего убийцы Никонова, Власи Власева, который тоже был вызван в суд в качестве свидетеля, но во время рассказа Волковой успел скрыться из суда.

В данное время он посажен в тюрьму и ожидает своей участи.

15-III-33. Ст. София. **Ф. Е. Бабкин.**

В Казакии.

Отрывок из письма оттуда:

... В Казачьих Краях все тревожнее. Население голодает. Русские пришельцы начинают покидать наши края. Почти все железнодорожные станции переполнены обратными переселенцами. Снова ездят на крышах вагонов. По железной дороге от Кавказской на юго-восток (на Кубани и на Тереке) ходят бронепоезда, т. к. партизаны рискуют нападать на железнодорожные станции, разбивают продовольственные склады, бьют коммунистов. Под Армавиром недавно был обстрелян поезд, в котором ехало коммунистическое начальство. Недалеко от Кавказской часто разбирают рельсы (особенно в сторону Тихорецкой). Обин раз разобрали даже небольшой мост...

... На Кубани, после выселения трех станиц, население еще более озлобилось против оккупантской власти... Очень часты „происшествия“ со стрельбой... На днях под ст. Усть-Лабинской был убит „ревизор“, приехавший из Краснодара и ехавший на лошадях...

Самочувстве сов. власти очень неспокойное, у казаков же озлобленно-приподнятое.

И на Кубани, и на Тереке, казаки убеждены в скором конце теперешней власти, проявившей, особенно в последнее время, полную безхозяйственность...

В станице Полтавской теперь.

В „М“ от 23 февраля помещена корреспонденция некоего тов. Чилима из станицы „Красноармейской“, как назвали теперь оккупанты ст. Полтавскую. Печатаем эту корреспонденцию ниже целиком. Читайте, казаки, и учитесь ненавидеть своих врагов. Учитесь ненавидеть врагов и учитесь бороться с ними!

Итак:

„Это было восторженное остервенение. В холод, в изморозь, в снег люди шли по степи с косами, топорами, лопатами, сдирали с лица земли ее изруганные треклятые лохмотья, кубанскую коросту, символический чертополоший облик саботажа. По малоснежью косилками шли, косилки дергались по кочкам. Тогда у поганых валков и копен совещались о себестоимости бурьянной охапки, ощупывали косогоны, теплоту и влажность лошадиных пахов. Потные лбы с бухгалтерской сухостью котировали себестоимость человеческого энтузиазма, амортизацию мышц и стальных сегментов. Сегменты беречь. А мышцы... Черт возьми, тут попятилась бухгалтерия, ушла во дворы вместе с косилками; в мышцах — горячая кровь, а в ней — древняя мужицкая жадность к хорошей земле, к невиданной богатейке, таящей огромный белый хлебище. Взять его из под саботажной коросты! Может быть его можно взять только теми путями, которые указал на всесоюзном бурьянном совещании некий украинский профессор — „Пятьдесят лет изучать биологию сорняка, потом подумать как с ним бороться“? Попадись борода того профессора вот в эти красные влажные исцарапанные руки, был бы выбрит профессор не по правилам, но начисто; руки горячи не только древней мужицкой жадностью, но и революционной непримиримостью, протестом, зовущим к действию. Хозяйский гляз не может при размежевке видеть равнодушно запоганенных полей.

Сначала нашли в барахольных углах дворов и под застрехами десяток ржавых кос и серпов, радовались этим архаическим орудиям, записывались в очередь на них, потом все поголовно вооружились, по первобытному шли бригадами косцов, жней, полольщиц и „лесорубов“. Неровные цепи подвигались по снегам через неясность стогектарок, у межевых столбов аукались соревнующие бригады и зимняя степь в снегах глушила эхо.

— Чья это падинка?! Твоя, Волков!

Бригадир Михаил Долгин смотрит от угла клетки по вешкам и выходит, что четвертая бригада закончила очистку своей третьей стогектарки: падинный кусок гектаров в шесть выпадает на долю 3-й бригады Волкова. А Волков издали прикинул по вешкам, лег на живот, поглядел, потом отошел в сторонку, снова при-

лег — „семь раз отмерил“ и, сложив ладони в трубку, крикнул:

— Не могу я, Миша, отбирать у тебя эту падинку! Хорошая падинка, жалко уступать, ну все-таки забирай. Твоя!

У Долгина на яблочных щеках даже белые ямочки залились краской от смеха. Оттепель налила падинку водой, — кому охота плавать.

— Кабы у нас, на Витебщине, я-б тебя, Волков, во что ни во что, а обманул бы на этой падинке. А тут для начала в драку не полезу. Бери! Твоя падинка!

Бригадиры сходятся на межнике. Оба они, Долгин и Волков — демобилизанные красноармейцы. Оттуда, из красной армии, принесли они в колхоз умение быть вожаками, спокойную, веселую трудовую и организационную сноровку.

Косцы, жнецы и мотыжники двух бригад поддтягиваются на закурку. В размежевке произошла явная путаница, вехи расставлены безграмотно. Сорную падинку впредь до вызова агронома решено очистить скопом, силами двух бригад.

Проворная, белорусская речь горошком сыплется, своеобразно обмягчая слова.

— У нас тапертша назем везуть на поле.

— Вози — развози, хоть весь двор под мятелку, дак ей, твоей зямле, красна цена сорок пудов у найлудшай год. А тут... И без назьму. А бы-б руки. Да ежель машиной!

— Трактором.

— А еще комбайном.

— А ежель серпом — сладишь?

— А, думаешь, не слажу?

— А я тебя, думаешь, не слажу?

— Становись!

Возня. Красные руки, как огромные клешни, мелькают в воздухе.

Эти — сладят. К концу трудного дня, когда захлюстаны отяжелевшие полы полушубков, когда от спин и из под шапок валит пар, они находят силы, чтобы поозоровать вот так, угощая друг друга пудовыми тумаками, от которых лошадь расплакалась бы. Эти не спать под бурьянами приехали. Много охотников на кубанские земли, да пускают сюда не всех. Путевки на Кубань даются в Белоруссии, в Ленинградской, Московской области, в Сибири, ЦЧО лишь колхозникам, выработавшим 280-300 трудодней. Таково требование, пред'явленное к главе семьи при получении путевки.

Близок зимний вечер. Бригады тянутся к станице. Некоторые из колхозников несут ржавые бороны, вилы, лопаты, волокут целые плуги — все это изо-дня в день обнаруживается под коростой очищаемых полей. Плохо вредительски хозяйничала станица Полтавская. Во всех бригадах станицы Красноармейской ныне оказалось почти удвоенное против полтавских списков количество инвентаря. В четвертой бригаде колхоза имени Ворошилова кузнец Григорий Долгин — бригадиров брат, давно выставил плановые десять буккеров и двадцать борон и полагает из вороха снесенного со степи железа дать еще столько же плугов и борон. А горы металла все растут. Даже Анька с Женькой Долгины — пионеры — и те после школы уходят куда то с отрядом на выполнение своего „железного плана“ и возвращаются „вооруженными до зубов“. А сколько шлей, уздечек, постромок, хомутов найдено на чердаках в паутине, в кулацкой паутине, задавившей станицу Полтавскую!

Вечером на гармонь бригадного красного уголка стягивается колхозный актив, — на учебу.

Красные уголки, избы-читальни, — их разыскал в пыли, оживил, размножил политотдел МТС. В них закипает досужее веселье, в них морщаться лбы за учебой.

Многие „жнецы“ уже успели сбегать в баню, смыть пот, выжатый бурьянами. Сколько его, этого пота, уже пролито пятью переселенческими колхозами, очистившими десять тысяч гектаров от сорняков! Но зато и визгу же и гоготу в банях перед вечером! Десятки бань топятся в станице изо-дня в день. И на курсы народ сходиться чистым, свежим. Щелкают шашки, шахматы, шуршат газеты, брошюры, книги, пока подтягивается народ.

Дед Василий Егорыч Филатов перекинулся в поддавки с комсомольцем Ванькой Рванцевым, а на лекцию не остался — дома разговор есть со старухой. Она молчаливо смотрит в окно, в густую синеву вечера на галочьи игрища в вершинах акаций и в морщинах под ее глазами жгучая росинка ностальгии.

— Все про Львовщину, стара?

— Дед! Акация хуже березы. У той тельце белое, веточки мягкие, а эта — черная, морщеная, колючая.

— А летом у нее цветок с ладонь — хоть нюхай, хоть ешь. Духу одного сколько! А на огороде чего растет! Табак духовой и всякая овоща. Тут земля...

— Земля? Жаден ты, дед. А много ли нам с тобой ее надо, земли? Сажень на двоих.

— Сажень? Ты выдь с нами на поле, стара, глянь вдоль-поперек. Земля лежит не для могилы, для жизни, — пшеничная земля. А много-ль ты его, пшеничного хлеба на своем веку куличами-пасхами с'ела? По „Машке“ соскучилась? Не сдавала бы под квиток. Везла бы с собой и „Машку“, и хлеб, и картошку. Аль новая „Машка“ хуже?

— Лучше. Эта — молочница, шестым телком и — смирная. Березок, я говорю, нету.

Со двора вломились шумные, красноносые внучата.

— Тятька с курсов идет. Ужинать. Ужинать!

Захлопотала старуха. Некогда больше вспоминать березки. Это от синего вечера наползло на душу.

А вот „жадные до земли“ старики не грустят. Березовая лирика прошла мимо их малоземельной, полубесхлебной жизни. Попасть под старость на лучшие в мире земли, знать, что семья, дети, внуки никогда больше не будут бедствовать... Можно и без березок.

— Фарт привалил да и все тут! — не перестает повторять Василий Егорыч, усаживаясь за борщ.

Скромничает дед. Не „фарт“, — по заслугам, лучшим хлеборобам даны лучшие земли и человеческие силы подобраны под стать друг другу...

Оттепель и заморозки, слякоть и кочки, дождь и снег...

Северяне — переселенцы. встревоженные грачными криками и запахом талого снега, затормошились в бригадах — не выезжать ли на станы? В островках уцелевших полтавцев, в комуне им. Фрунзе, заверили, что спешить некуда — грач — птица, иной раз зимующая на Кубани, а ростепель может смениться крепкими морозами. Около мастерских пробной походкой ползают тракторы, разминая липкое снежно-землистое месиво.

Колхозные кузнецы обогнали ремонтную мастерскую МТЗ, у нее готова лишь половина тракторного парка, кузнецы заканчивают выпуск буккарей, борон, сеялок.

У конюхов тоже дело ремонта подвигается вперед. При распределении полтавского тягла по переселенческим колхозам часть лошадей разводили, а часть развозили по бригадным конюшням. Лошадь взваливали на сани, а люди запрягались в оглобли и она ехала на них, опрокидывая исконные понятия о взаимоотношениях людей и лошадей. Теперь роли уточнились. Из 1418 лошадей 600 уже доведены до состояния средней упитанности, 50 — в разряде хорошей упитанности, худоконка постепенно рассасывается. Наиболее слабые сведены на специальные общеколхозные ремонтные конюшни, под комсомольский контроль, под контроль демобилизованных красноармейцев кавчастей.

Переселенцы по-хозяйски освоили колхозную собственность, полученную в жутком состоянии. В колхозе им. Московского пролетариата ульи с семьями пчел собирались по садам. Ограбленные полтавцами пчелы близки были к полной гибели. Прибывший из Московской области вместе с сыном, демобилизованным красноармейцем, дед-пчельник Никитин восстановил омшанник, пчелам дан подкорм, к весне колхоз имеет 160 здоровых ульев.

Жива и полнокровна огромная веселая станица Красноармейская — станица ударников, начавшая свою новую жизнь с тяжелого труда зимней очистки полей.

В этом труде пядь за пядью узучались участки и на сегодня новые колхозники знают свои бригадные поля, пожалуй, лучше, чем их знали полтавцы. Вот почему пляска контрольных цифр с таким огорчением, с крепким словцом воспринимается в бригадах: там люди не только вызубрили и осмыслили свои производственные задания по культурам, но и в поле, в натуре, отметили, что и где будет посеяно. Там люди любят точность, ясность, четкость, — качества, принесенные в колхоз из красной армии демобилизованными красноармейцами.

Колхозы станицы ударников проэкзаменовались в умении приступить к хозяйствованию.

Не провалятся переселенцы и при замене серпов, мотыг, кос тракторами, комбайнами. Переселенцы ездят на лошадях, поднятых к жизни и работе со смертного одра. Сумеют они передвигаться и на машинах. Государство дало на укрепление Красноармейской МТС 15 новых автомашин, 50 тракторов, 20 комбайнов, 20 пикхеров. Обработка полей в станице Красноармейской будет механизирована на семьдесят пять процентов. Для встречи колонны машин в станице готовятся кадры — вот из этих зимних жнецов, косарей и мотыжников с красными, не знающими устали руками."

По советским газетам.

В „М." от 5 марта читаем: ... „Нет уверенности в том, что семена будут собраны, нет борьбы, нет огня"!..

В ст. Гиагинской „кулацкий саботаж возглавляют враги с партбилетами" (т. е. „местные" коммунисты).

„Кореновский район не борется за сбор недостающих семян для весенняго сева". Там „заседают... до потери сознания"...

9 марта: „Пробные выезды в поле показывают предательский самотек в подготовке посевной".

... Большинство колхозов, МТС (машинно-тракторных станций) и районов, в том числе и многие начавшие полевые работы, к севу еще не готовы".

„Кулацкие элементы вновь подняли голову" (в Ново-Александровской)...

„Большинство колхозов Новочеркасского района не готовы к выезду в поле"...

После бахвальства тракторами, теперь взывают: „у кого в руках колхозная лошадь, у того в руках и урожай наших полей"...

В ст. Шкуринской „шляпы с партбилетами укрепляют позиции саботажников"...

10 марта очень „грозно": „Вышибить вредителей из конюшни"...

В ст. Кореновской „беспечность, прямо грозящая недосевом"...

В ст. Темижбекской: „В колхозе „Путь к Социализму" было 164 лошади. Было! За трое суток сразу пало 89 лошадей"...

12 марта из передовой в „М.": „Большинство районов Северного Кавказа, и в первую очередь на Кубани, к севу полностью не готовы"...

В Ставропольской губ. „кража семенного зерна принимает массовый характер"...

„Колхозы Старо-Минского района срывают перевозку семенного зерна"...

14 марта на „Черной доске": ст. Хорошаевская (Цымлянский район), ст. Темижбекская, ст. Шкуринская, колхоз „Красный Кубанец" (Тихорецкий р.), колхоз „2-я пятилетка" (Миллеровский р.) и колхоз „Путь пролетария" (Тацинский р.).

Розыск.

Казаков ст. Вознесенской: Петра Федоровича Елистархова и Павла Ивановича Милькина просят откликнуться станичники по адресу: Кирилл Елистархов, Кр. Петра 14. Смедерево, Jugoslavija.

О представительстве журнала „В. К.":

В интересах ВКазачьего движения вообще и наилучшего использования для него журнала „ВК", редакция „ВК" предпринимает некоторую реформу представительства журнала на местах. В основу этой реформы будут положены следующие начала:

Представители журнала „ВК" на местах назначаются его редактором. Местные вольноказачьи организации могут предлагать своих кандидатов, но не могут настаивать, чтобы редактор непременно согласился с выдвинутыми кандидатурами.

На обязанности представителей „ВК" будет лежать: 1. Распространение журнала среди казаков и уроженцев Казачьих Краев своего района. 2. Забота об исправном поступлении подписной платы. Кроме того, представители „ВК" должны будут нести и обязанности корреспондентов журнала из своего района (это не значит, конечно, что корреспондентских обязанностей не могут исполнять другие вольные казаки или сотрудники журнала, как это было до сих пор).

В своей работе по представительству представители подчиняются только редактору журнала „ВК".

Вышла из печати книга:

ПЯТЬ ЛЕТ

„Вольного Казачества — Вільного Козацтва"

Сборник избранных передовых статей.

Цена книги: в ČSR — 20 кч, в Югославию — 50 динар, в Болгарию — 100 лева, в Польшу 7 злотых, в Германию 3 марки, во Францию 20 фр. франков, в Америку — 1 доллар — с пересылкой.

Книгу „Пять лет „В. К." должен иметь каждый вольный казак.

• КАЖДЫЙ ВОЛЬНЫЙ КАЗАК ДОЛЖЕН ПОДПИСАТЬСЯ НА СВОЙ ЖУРНАЛ! •

Открыта подписка на 1933 год

на иллюстрированный журнал литературный и политический

„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО — ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“

выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год:	цена отдельного номера:
В Чехословакии	40 кч.	80 кч.	5 кч.
Во Франции	40 фр.	70 фр.	4 фр.
В Югославии	60 дин.	100 дин.	6 дин.
В Болгарии	100 лева	200 лева	10 лева
В Румынии	200 лей	300 лей	20 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0·50 м.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	3 долл.	0·20 долл.

Отдельные комплекты за 1930 и 1931 годы продаются: в Č. S. R. по 100 к. ч. за год, а заграницу — по 4 ам. доллара.

Подписную плату посылать по адресу: „Volné Kozáctvo“, Hradecká 2207, Praha-Vinohrady, Tchécoslovaquie.

Vydavatel: Ignat Bilyj. — Odpov. redaktor: Jaroslav Strohschneider. Novinová sazba povolena řed. p. a t. čís. 270532-VII.-1930.
Tiskem knihtiskaře A. Fišera. Praha-Strašnice č. 289.